

The background of the entire cover is a light purple color. Overlaid on this is a detailed illustration of several orchid flowers and leaves in a slightly darker shade of purple. The illustration is rendered in a clean, line-art style. Scattered across the entire cover, particularly concentrated around the flowers, are numerous small, golden-yellow dots and specks, giving the impression of glitter or confetti.

САМАНТА КРИСТИ

18+

ЛИЛОВЫЕ ОРХИДЕИ

ДВЕ СУДЬБЫ – ОДНО ПИСЬМО

ПОРОЧНЫЕ ЦВЕТЫ. ИСТОРИЯ БЭЙЛОР. I

Сестры Митчелл

Саманта Кристи
Лилловые орхидеи

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кристи С.

Лиловые орхидеи / С. Кристи — «Эксмо», 2015 — (Сестры Митчелл)

ISBN 978-5-04-180896-9

«Лиловые орхидеи» – первая книга цикла о сестрах Митчелл. Для поклонников Эстель Маскейм, Анны Тодд и Ильзы Мэдден-Миллз! Они познакомились в колледже. Гэвин Макбрайд – плебой, звезда футбола, его ждет блестящая карьера в политике. Бэйлор Митчелл – обычная первокурсница, мечтающая стать журналисткой. Их притягивает друг к другу, словно магнитом. Первая любовь, страсть, планы на будущее и безграничное счастье. Но жизнь вносит свои коррективы: ложь одного разбивает сердца двоих. Бэйлор и Гэвин расстаются, так и не узнав правду. Прошло восемь лет. Каждый из них живет своей жизнью. Но судьба дает паре второй шанс – забыть ошибки прошлого и начать все с чистого листа. Вот только воспользоваться этим шансом не так просто. «Последствия этого откровения были напряженными, эмоциональными и душераздирающими. Эту историю точно стоит прочитать и насладиться». – Natasha Jackson for Readers' Favorite «Книга захватила меня с первых страниц, ранила душу и сердце, а затем заключила любовные объятия. Это было так сказочно». – Goodreads

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-180896-9

© Кристи С., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Саманта Кристи

Лилые орхидеи

© Гусева А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Моему сыну Остину,
который помог мне найти голос Гэвина.
Пусть у тебя никогда не кончаются вопросы
и картошка фри*

Часть первая

Гэвин

Глава 1

– За еще одно удачное приобретение! – произносит Скотт, чокаясь со мной и Анджи.

В его рюмке один из лучших сортов текилы в мире.

– Эта текила стоит сто баксов за порцию, так что надеюсь, что сделка и правда состоялась, – добавляет Анджи.

Мы со Скоттом энергично киваем в знак согласия и проглатываем дорогой, приятно обжигающий напиток.

– Гэвин, ты был просто в ударе! – восклицает Скотт. – Я уж думал, что мы потеряем сценарий, пока ты не пустил в ход тяжелую артиллерию.

– Никогда не помешает вскользь упомянуть парочку имен – от этого в глазах у юных сценаристов вспыхивают звездочки и знаки доллара, – говорю я.

Потом поворачиваюсь к Анджи:

– Не забудь добавить в календарь встречу с юристом на следующей неделе. Обидно было бы потерять сценарий из-за дурацкой формальности.

– Будет сделано, босс! – заверяет меня Анджи, уже добавляя что-то в календарь на телефоне.

– Ну что, тебе удалось убедить Карен прочитать этот сценарий? – спрашивает Скотт. – Я подумал, что это как раз по ее части, ей же нравятся «Отчаянные домохозяйки» и всякое такое.

Анджи чуть не поперхнулась своей диетической колой:

– Мы говорим про жену Гэвина Карен? Мою подругу, с которой мы состояли в одном женском клубе? Ту самую, которая читает журналы, только если в них напечатаны советы по избавлению от морщин и предотвращению секущихся кончиков?

Мы дружно смеемся. Я знаю Анджи еще с университетских времен. Они с Карен были неразлучны, пока заправляли своим женским клубом. Но после выпуска большинство из нас столкнулось с реальностью и познало ценность ежедневного труда. Карен никогда не стремилась стать частью этого большинства. Анджи подавала большие надежды, и мы со Скоттом наняли ее ассистенткой, как только основали свою компанию несколько лет спустя. С тех пор она работает с нами, уже почти четыре года. Думаю, теперь Анджи скорее моя подруга, чем подруга Карен, но даже у меня не хватило бы смелости заявить об этом своей жене.

Карен и Анджи теперь полные противоположности. Мы поженились сразу после выпуска, и Карен сразу занялась своей карьерой светской львицы. Я был так занят, работая помощником продюсера, что даже не заметил, что у нее совершенно отсутствует стремление к чему-либо, помимо создания модного антуража. Но нас наша жизнь устраивает. Я не лезу в ее дела, а она не лезет в мои. Примерно как в университете: мы были друзьями, которые поддерживают друг друга, но живут своей собственной жизнью. Только теперь мы занимаемся сексом. Иногда.

– Нет, она не читала сценарий, – говорю я, жестом подзывая бармена. – Что будете, ребята?

Я приподнимаю брови, ожидая их заказа.

– Ну уж нет, – говорит Анджи, – я больше не дам тебе меня напоить перед полетом. Похмелье и самолет – плохое сочетание, особенно если учесть, что полет из Чикаго в Лос-Анджелес не такой уж короткий. Я пошла спать, мальчики.

Она наклоняется, по очереди нас обнимает, выходит из бара отеля и направляется в свой номер.

– Виски с содовой, – говорит Скотт бармену.

Затем поворачивается ко мне:

– Ну и пусть меня стошнит в самолете. Мне все равно.

Я смеюсь и делаю свой заказ, после чего мы разворачиваемся на барных стульях и осматриваем бар в поисках очередного завоевания для Скотта.

– Как насчет вон той брюнетки? – Я киваю на женщину, которая сидит за столиком в углу бара и вертит в руках телефон.

– Не, она совсем отчаялась, – говорит он.

– Откуда ты знаешь? – спрашиваю я.

– Она нас разглядывает с тех пор, как мы сюда пришли. Она явно здесь одна. Слишком легкая цель, – говорит он.

И в этом весь Скотт Карлсон. Он всегда ищет себе задачу посложнее. Мало того, что он был квотербеком¹ университетской футбольной команды, у него еще и внешность плохого парня – от его коротких волос и покрытых татуировками рук теряют голову все женщины. Удивительно, что нас вообще восприняли в кинобизнесе всерьез. Думаю, именно поэтому я и взял публичные выступления на себя. Так наша компания выглядит чуть более респектабельно.

– Ладно, тогда как насчет вон той в конце бара, с большими зубами? – Я кивком указываю на привлекательную женщину у него за плечом.

– Вот это я понимаю, – произносит он, оборачиваясь, чтобы посмотреть на нее.

Но тут же поворачивается обратно:

– Слишком старая.

Скотт пожимает плечами:

– После Гретхен я зарекся иметь дело с женщинами старше тридцати.

Я приподнимаю брови и удивленно смотрю на своего тридцатидвухлетнего партнера.

– А что такого? – спрашивает он, поднимая руки в знак капитуляции. – Мы живем всего один раз, и я не становлюсь моложе. Не все из нас могут оставаться двадцатилетними, знаешь ли.

Он залпом допивает свой напиток и жестом просит у бармена еще.

– Да, кстати, Карен на днях прислала мне что-то вроде официального приглашения. Вот она заморочилась, да?

Я закатываю глаза.

– С чего вдруг она вообще рассылает приглашения? Это же день рождения, а не свадьба, – ворчу я.

Он смеется, а я проглатываю остаток своего напитка.

– Твоя жена счастлива, только когда тратит твои деньги на какие-нибудь умопомрачительные мероприятия, да?

Я киваю.

– Скажем так, судя по моему пустому кошельку, в последнее время она должна быть чертовски счастлива.

– Вы двое – самая функциональная дисфункциональная пара из всех, кого я знаю, – говорит он.

С такой логикой не поспоришь. Я замечаю, что в бар зашли несколько женщин.

– Как насчет вон тех? – указываю я на них подбородком.

– Что у тебя за любовь к брюнеткам? – спрашивает он. – Если мне не изменяет память, жена у тебя блондинка. Ты женился на Барби, черт возьми!

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Наверное, я всегда питал к ним слабость.

¹ Позиция игрока нападения в американском и канадском футболе (Здесь и далее прим. пер.).

Когда бармен ставит перед нами очередную порцию напитков, с барной стойки слетает какая-то бумажка. Скотт наклоняется и поднимает ее. Минуту он разглядывает ее, и его лицо расплывается в улыбке.

– Да-а-а, – протягивает он, указывая на бумажку. – Вот она. Вот эта женщина будет извиняться подо мной сегодня вечером. Погляди-ка, она даже брюнетка!

Он тычет флайером мне в лицо.

Я беру его в руки и смотрю на фотографию. В ту же секунду мое сердце подпрыгивает куда-то к горлу, а мозг пытается воспринять то, что я вижу. Воспоминания о втором курсе в Университете Северной Каролины затуманивают мое сознание. Барный стул внезапно перестает быть устойчивой опорой, и я хватаюсь за стойку, чтобы сохранить равновесие.

Это не может быть она.

Я просматриваю флайер в поисках имени – вот оно. Имя, которое преследовало меня столько лет. Я снова смотрю на фотографию. Ее лицо. Ее улыбка. Ее незабываемые глаза. Это она. Единственная женщина, которую я любил. Женщина, которая разбила мне сердце.

Бэйлор Митчелл.

– Черт, – еле слышно бормочу я, прикрывая глаза и сминая бумажку в руке.

– Чувак, не порти фотографию! – говорит Скотт, вырывая флайер у меня из рук. – Если я не смогу заполучить девушку, то хоть на фотку подрочу.

Он разглаживает флайер на барной стойке.

– Только не ее, – говорю я, забирая флайер, чтобы внимательнее его рассмотреть.

На нем написано, что она выступает в отеле.

Сегодня вечером.

Я быстро оглядываю бар, как будто она может быть здесь в эту самую секунду.

Чуть позже у нее будет здесь презентация книги. Она писательница. Я помню, что она изучала в университете журналистику, пока не бросила учебу. Пока не бросила меня. Но писательница... круто! К тому же, по всей вероятности, довольно известная.

– Какого черта, приятель? – Скотт заявляет свои права на флайер. – Дай сюда!

Я отмахиваюсь от него. Не могу отвести взгляда от ее глаз. Они точно такие же, какими я их запомнил. Светло-карие, с синими и зелеными крапинками. Клянусь, что ее глаза меняли цвет в зависимости от того, что на ней было надето. На этой фотографии она в голубом, и ее глаза кажутся зеленовато-голубыми. Она выглядит счастливой.

Как она может быть такой счастливой после того, как она со мной поступила? Интересно, она вышла замуж за того говнюка Криса? Если и вышла, то не взяла его фамилию.

– Чувак! – восклицает Скотт.

Я смотрю на него: он поднимает руки ладонями вверх, молчаливо вопрошая, что происходит.

– Я ее знаю, Скотт, – говорю я.

Я закрываю глаза и качаю головой, пытаюсь прогнать воспоминания о том злосчастном дне.

– Она разбила мое чертово сердце.

Он недоверчиво смотрит на фотографию. Указывает на ее лицо.

– Вот эта девушка? – переспрашивает он. – Я думал, у тебя нет сердца, Гэвин. Ты же сам всегда так говоришь. Ты говоришь, что поэтому вы с Карен так хорошо друг другу подходите.

– Когда-то было, – говорю я. – Очень давно, пока... – хотя прошло уже столько времени, мне трудно даже произнести ее имя, – пока Бэйлор не разбила его вдребезги и оно не стало совершенно бесполезным.

– Вот блин! Правда? – говорит он.

Скотт делает знак бармену, прося очередную порцию напитков.

– Мы дружим уже шесть лет, а ты ни разу ее даже не упомянул?

Я смотрю на фотографию и опрокидываю появившуюся передо мной рюмку. Она почти не постарела. Может, фотографию отфотошопили? Ей сейчас должно быть двадцать шесть, но она все еще выглядит как студентка-первокурсница, с которой я столкнулся в ее первый день в университете. Волосы у нее теперь длиннее и прямее, чем тогда, но она все еще выглядит потрясающе. Безупречно. Идеально. Я со стуком ставлю рюмку на фотографию и тут же жалею об этом, потому что краска потекла.

– Я никогда никому о ней не рассказывал, – говорю я. – Ни разу с того дня, когда она исчезла.

Я умалчиваю о том, что хотя и не говорил о ней ни слова, она была и остается единственной женщиной, о которой я когда-либо мечтал.

Черт, наверное, я кажусь полным мерзавцем, раз не мечтал о девушке, на которой женился.

– Может, тебе *стоило бы* о ней рассказать, – говорит Скотт. – Ну чтобы не слететь с катушек или – что еще хуже! – не расплакаться, как младенец, прямо тут, в баре.

Он смеется.

– Ладно, – говорю я, все еще замороженный теперь уже размытым лицом женщины, которая восемь лет назад была для меня целым миром. – Но тогда давай еще выпьем.

Я поднимаю свой пустой бокал, и Скотт подзывает бармена.

Я начинаю рассказывать.

Глава 2

Восемь лет назад...

– Гэвин, давай быстрее! – говорит Карен и тащит меня за собой к площадке.

И зачем только я согласился помочь ей и ее подругам по женскому клубу в организации ознакомительных мероприятий для первокурсников? Ах да, вспомнил! Потому что так я легко смогу заполучить свеженький список телефонных номеров восемнадцатилетних студенток.

– Господи, Карен, банкет все равно никуда не денется, – говорю я, безуспешно пытаюсь заставить ее сбавить шаг. – Если ты так волнуешься, что мы опаздываем, почему мы не вышли на пятнадцать минут раньше?

Она смотрит на меня так, словно я сказал какую-то глупость.

– Анджи делала прическу. Мы не могли выйти ни минутой раньше.

Она улыбается своей подруге, бормоча что-то про то, что мужчины неспособны это понять.

Карен и ее подруги по женскому клубу. Иногда я не знаю, зачем я их вообще терплю. Ах да, мы опять возвращаемся к телефонным номерам вышеупомянутых восемнадцатилетних студенток. Помимо того, что членство в женском клубе очень нравится моей претенциозной подруге, оно еще и идет на пользу моему стремлению каждую неделю пробовать что-нибудь новенькое. Да, я такой. Можете называть меня Баскин Роббинс... только вкусов у меня не тридцать один, а гораздо больше. Я не виноват в том, что я донжуан. В этом виноват мой отец. Я пришел к этому выводу совершенно самостоятельно. Без дорогуших психотерапевтов.

Они с Карен два сапога пара. Иногда я думаю, что она – его давно утраченная незаконнорожденная дочь. Я люблю своего отца. Ну, может, люблю – это слишком громко сказано. Но, как и большинство политиков, он иногда может быть просто самодовольным дураком. По крайней мере, для меня. Для всех остальных он конгрессмен Макбрайд, обаятельный бывший судья и отец семейства. Не знаю, как моей маме удастся его терпеть уже больше двадцати лет. Он так часто лижет задницы разным государственным чиновникам, что теперь уже непонятно, где между ними проходит граница. И хотя мой отец убедил меня выбрать своей специальностью политологию, я не намерен присоединяться к его лизоблюдству. В большинстве случаев. По крайней мере, когда нахожусь вдали от него. Или его коллег. Или его друзей. Ладно, я тоже все время притворяюсь. Но только потому, что я учился у лучших.

Зато он не станет указывать, с кем мне встречаться. Карен. Он бы хотел, чтобы я встречался с ней. Еще бы, ведь она дочь его друга и такого же самовлюбленного нарцисса Джозела Томпсона, чья семья владеет одним из самых больших нефтяных месторождений на юге Техаса. Семья Томпсон очень влиятельна, и мой отец был бы счастлив, если бы я в нее вошел. Разумеется, именно поэтому я этого и не сделаю. Мы с Карен всегда дружили – с тех самых пор, как мы переехали в соседний с Томпсонами дом в Форт-Уорте, когда мне было пять. И когда я говорю «дом», я имею в виду «особняк на огромном прилегающем участке». В том смысле, что, когда мы хотели поиграть, нашим няням приходилось отвозить нас друг к другу на машине.

Зато из-за Карен отец в конце концов разрешил мне пойти учиться в Университет Северной Каролины, а не в одно из заведений Лиги Плюща². К счастью для меня, отец Карен, несмотря на все свои миллионы, был недостаточно богат, чтобы устроить ее в Гарвард или Йель, но у него было достаточно связей, чтобы его дочь – с ее весьма посредственными оценками – приняли в Университет Северной Каролины. И меня это вполне устраивает. К тому же наша футбольная команда гораздо лучше, чем команда любого из этих дорогостоящих универ-

² Ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США.

ситетов. Правда, не думаю, что когда-нибудь дождусь от отца благодарности за то, что получил стипендию. Это было бы ниже его достоинства.

– Гэвин, хватит уже глазеть на первокурсниц! Еще успеешь, – говорит Карен, продолжая тащить меня за локоть.

Я и не осознавал, что глазею на них. Кажется, это уже вошло в привычку. Наблюдать за девушками. Выбирать себе следующую любовь на одну ночь. Карен все время меня за это подкалывает, но думаю, что за этим скрывается ревность. Думаю, что в глубине души она меня хочет, но никогда мне в этом не признается из страха, что я ее отвергну. Как бы то ни было, в этом Карен права. Она мне нравится, но я ее не хочу. Я никогда ее не хотел. У нее потрясная фигура и лицо фотомодели, я бы с удовольствием с ней переспал, если бы мы не были друзьями, но хорошей подружки из нее не выйдет. Не то чтобы я знал, из кого выйдет – я никогда не встречал девушку, о которой мог бы так сказать, – но точно знаю, что это не Карен.

Мы несемся, огибая Мерфи-Холл, когда я сталкиваюсь с какой-то девушкой, от чего она падает и все содержимое ее рюкзака рассыпается по тротуару.

– Вот черт! – произношу я. – Извини, пожалуйста. Ты в порядке?

Я смотрю сверху вниз на ошарашенную девушку. А она смотрит на меня своими сияющими глазами – карими, или голубыми, или вообще зелеными – трудно сказать при таком освещении. Ее светло-русые волосы собраны в хвост, пряди торчат из него, словно она делала его совершенно не глядя в зеркало.

– Ты что, ходить не умеешь? – говорит она мне снизу.

– Гэвин, мы уже опаздываем! – вопит мне Карен, шагая вперед и даже не оглянувшись на мисс Глаза-Хамелеоны.

– Иди вперед, – говорю я. – Я только помогу... э-э-э...

Я смотрю на девушку, все еще простертую передо мной на земле. Обычно от вида красивой особы, в буквальном смысле лежащей у моих ног, у меня в штанах становится тесно. Но в ней есть что-то такое, из-за чего я даже не рассматриваю ее в качестве объекта завоевания. Я испытываю какое-то зудящее желание ее защищать.

– Бэйлор, – говорит она.

Я наклоняю голову и хмурю брови.

– А? – спрашиваю я.

– Меня зовут Бэйлор, – ее тихий мелодичный голос резонирует у меня в груди.

Я поворачиваюсь к Карен:

– Я только помогу Бэйлор собрать вещи. Я тебя догоню, – говорю я.

Карен стоит, скрестив руки на груди, и изумленно смотрит на меня с противоположной стороны поляны. Потом смотрит на Бэйлор и закатывает глаза.

– Как хочешь, – говорит она.

Затем поворачивается и бежит догонять своих подруг по женскому клубу.

– Значит, Бэйлор, – произношу я, отмечая, что мне нравится, как приятно произносится ее имя. – Ушиблась?

– Я в порядке, – говорит она, ползая на четвереньках и собирая свои вещи.

Я опускаюсь рядом с ней и начинаю подавать ей вещи в пределах моей досягаемости. Передаю ей расческу и записную книжку. Потом замечаю его – совсем рядом со мной – и размышляю, как лучше поступить. Я мог бы просто проигнорировать этот предмет и встать, но тогда он был бы очень заметен, ведь он лежит прямо посередине тротуара, а я не хочу, чтобы она смутилась. Я быстро хватаю тампон и наклоняюсь, чтобы засунуть его в рюкзак. Она следит за моим движением своими невероятными глазами и видит, что именно я держу в руках. Очаровательнейший румянец заливает ее загорелое лицо. Она отводит глаза и говорит:

– М-м-м... спасибо.

– Гэвин, – говорю я.

– Что? – спрашивает она.

Очевидно, Бэйлор все еще сконфужена инцидентом с тампоном.

– Меня зовут Гэвин.

Я протягиваю ей руку.

Секунду она размышляет, затем пожимает ее. Когда моя большая ладонь спортсмена прикасается к ее мягкой миниатюрной ладошке, клянусь, сквозь меня проходит электрический заряд – и попадает прямо мне в пах.

Господи, это еще что такое? Она же не щеголяет своим декольте и не виляет передо мной задницей. Она вообще в штанах для йоги и в футболке со «Штучкой Два»³. Я даже не уверен, что она накрашена. Но она красива какой-то безупречной естественной красотой. И судя по тому, как Бэйлор опускает взгляд на тротуар, она не имеет ни малейшего понятия о том, как прекрасна.

– Приятно познакомиться, Гэвин, – говорит она.

Задним числом я замечая, что мы так и не поднялись с земли, поэтому прежде, чем отпустить ее руку, я помогаю ей подняться. Затем неохотно убираю руку, наклоняюсь за учебником, валяющимся у моих ног, и протягиваю его ей.

– Журналистика, значит?

– Ага, – отвечает она. – Это моя специальность.

– О-о-о, гораздо интереснее, чем моя. – Я с небольшим отвращением произношу: – Политология.

Она смотрит мне прямо в глаза.

– Зачем ты изучаешь то, что тебе даже не интересно?

Черт! Я знаком с этой девушкой целых две секунды, а ей уже удалось в буквальном смысле поставить меня на колени и заставить сомневаться в своем будущем.

– Бэйлор! Ты в порядке? – кричит кто-то у меня за спиной.

Мне даже не надо оборачиваться, чтобы понять, что я возненавижу человека, которому принадлежит этот голос, кем бы он ни был. По его тону слышно, что Бэйлор ему безразлична.

– Я в порядке, Крис, – говорит она, стряхивая гравий, прилипший к одежде.

Парень подходит к ней и властной рукой обнимает ее за плечи. *Чертов... парень.*

– Крис, это Гэвин, – говорит она. – Он помог мне собрать вещи.

– Ну, очень на это надеюсь, – произносит он. – Это ведь он виноват в том, что ты упала. Я все видел вон оттуда.

Он смотрит на меня, и его совершенно не смущает, что я как минимум на десять сантиметров выше и на десять килограммов тяжелее, чем он.

– Здесь тебе не футбольное поле, знаешь ли.

Я злобно смотрю на него. Но я его понимаю. Он не самого крупного телосложения, а тут перед ним стою я – выше и накачанее. Очевидно, он знает, что я вхожу в футбольную команду. И я прикасался к его девушке. Он метит свою территорию. Я бы делал то же самое.

Подождите... делал бы?

Мне всегда было наплевать на девушек, с которыми я встречался – точнее, которых клеил. Так почему эта девушка, у которой к тому же есть парень, заставляет меня думать о том, как бы сделать ее своей?

– Да, извини.

Я пытаюсь прогнать эти мысли.

– Я не смотрел, куда иду.

³ Штучка Один, Штучка Два (два маленьких шаловливых человечка с голубыми волосами) – персонажи книги «Кот в шляпе» американского писателя Доктора Сьюза.

– Бэйлор, нам надо идти, а то опоздаем, – говорит Крис и уводит ее, совершенно проигнорировав то, что она нас друг другу представила.

Бэйлор не прощается. Но когда они уходят, она полуоборачивается и бросает мне милейший взгляд. Извинение за грубость ее парня? Подтверждение, что она тоже ощутила электричество от нашего прикосновения? Я наблюдаю за ними, пока пара не скрывается из виду, потом облакачиваюсь на жесткое кирпичное здание за моей спиной и размышляю, что вообще только что произошло.

Я смотрю на землю и замечаю какой-то предмет, блестящий на солнце. Подхожу к кустам и поднимаю его. Брелок для ключей. Наверное, Бэйлор его уронила. Брелок серебристого цвета, на нем выгравирована зебра. Я переворачиваю его и читаю надпись.

Будь тем, кем больше никто не сможет быть... собой.

Я засовываю брелок в карман.

Глава 3

Жизнь спортсмена иногда ужасно паршива. Особенно осенью, когда мы тренируемся по полной. Меня бесит, что я не могу пить и трахаться каждый вечер, как большинство остальных обычных второкурсников.

Но нет, только не я. По крайней мере, не сейчас. Сегодня утром я выхожу на пробежку со своими соседями по комнате и партнерами по футбольной команде – Дином, Тимом и Джонси. Осенью мы бегаем по два раза в день. Мы бегаем почти каждое утро и еще раз после занятий, мы тренируемся почти по четыре часа в день, если считать время, пока нас забинтовывают, саму тренировку и время на прикладывание льда и прочие примочки после. Не говоря уже о двух матчах каждую неделю и дорогу на эти матчи.

Это очень изматывает.

Зато отец не капает мне на мозги, чтобы я вступил в какой-нибудь стремный клуб типа студенческого самоуправления, так что это того стоит. К тому же это помогает мне поддерживать себя в хорошей форме для внеклассных занятий – когда у меня остается на них время.

– Ты заценил новую девушку Юджина? – спрашивает Тим, за что получает толчок в ребра от Джонси – он предпочитает прозвище своему настоящему имени Юджин Джонс.

– Да ладно?! – говорю я. – Ты готов остепениться, друг мой?

Во время разговора мы переходим на быстрый шаг. Дин говорит:

– Блин, я удивлюсь, если он не наденет Марси кольцо на палец до конца года.

– Ого! – удивляюсь я. – А я где был, когда все это случилось?

– Ну где же еще? – говорит Джонси. – С Карен и ее женским клубом. Тебя еще не тошнит от этих напыщенных девиц?

– Нет, и не будет тошнить до тех пор, пока вышеупомянутые девицы продолжают снабжать меня новыми попками, – говорю я. – В любом случае я почти научился их не слушать. Я много времени провожу в наушниках.

Мы все смеемся. Я смотрю на Джонси:

– Значит, Марси, да?

Он улыбается. Черт. По его улыбке видно, что он уже под каблуком. Еще один из нас оказался повержен.

– Остались только мы с тобой, Дин, – говорю я. – Раз Джонси теперь занят, а Тим прикован к своей женщине цепями, то для нас остается больше выбора.

– А то! – подтверждает он, ударяя кулаком о мой кулак.

Мы бежим вдоль Саут-Роуд, мимо колокольни – этот маршрут у нас по вторникам и четвергам. Когда мы приближаемся к библиотеке, я замечаю, как кто-то с большим трудом пытается спуститься по ступенькам. Мы подбегаем ближе, и я думаю о том, чтобы остановиться и помочь. И тут вижу знакомое лицо: Бэйлор выбегает из библиотеки, бросает свои вещи на землю и подбегает к женщине, которая, кажется, вот-вот скатится с лестницы. Она поддерживает женщину за талию и забирает у нее книги, чтобы та могла держаться за перила. Девушка осторожно помогает ей спуститься по ступенькам и протягивает благодарной женщине ее книги.

Когда мы пробегаем мимо здания, я поворачиваюсь и бегу спиной вперед, наблюдая, как Бэйлор радостно бежит вверх по лестнице обратно в библиотеку. Когда девушка наклоняется за своей сумкой, которую бросила на бетонных ступенях, она оборачивается, и мы встречаемся взглядами. Даже издали я вижу, что она густо покраснела. Бэйлор смущенно улыбается мне, потом поворачивается и уходит в противоположном направлении. Я внимательно наблюдаю за каждым ее шагом и оцениваю ее внешность. Сегодня она в джинсах – и они отлично подчер-

кивают прекрасную форму ее задницы. Ярко-красную футболку с персонажем Доктора Зюсса⁴ сегодня сменил зеленый топик – я ужасно хочу посмотреть, как ее невероятные глаза выглядят на его фоне.

На этот раз она распустила волосы, и они рассыпались по ее плечам светло-русыми волнами. Я чувствую внезапное желание подбежать к ней и убрать волосы с лица ей за ухо. Внезапно, словно прочитав мои мысли, она убирает прядь волос за ухо и исчезает за массивной дверью библиотеки.

Боже правый! Что со мной происходит? Я осознаю, что остановился на месте, когда мои товарищи по команде кричат, чтобы я шевелил клешнями.

До конца пробежки я размышляю о Бэйлор. Как долго она встречается с этим говнюком Крисом? У них все серьезно? В каком общежитии она живет? Откуда она родом? И почему я вообще обо всем этом задумываюсь?

Когда мы пробегаем мимо библиотеки в следующие вторник и четверг, я неожиданно для себя хочу, чтобы Бэйлор опять появилась в дверях, просто чтобы увидеть ее хотя бы мельком.

Вскоре после пробежки в четверг я осознаю, что даже не пытался привести домой девушку после вечеринки, на которую ходил в прошлую субботу. *Вот блин.* Я просто обязан вернуться в игру после матча в Университете Клемсона в эти выходные.

Я снова встречаю Бэйлор в пятницу днем, по пути на стадион, – оттуда мы на автобусе едем на выездной матч. Я останавливаюсь как вкопанный и смотрю на нее. Она идет с друзьями по направлению к студенческому клубу. Они весело смеются. Сегодня жарко, на ней шорты, которые не скрывают ее стройных ног, – и я ненадолго представляю, как эти ноги обхватывают мою голову. Я не слышу, что они говорят – они слишком далеко, – но, должно быть, один из них рассказывает что-то очень смешное, потому что один из ее друзей от смеха прыснул газировкой на футболку Бэйлор.

Большинство девушек после такого сразу побежали бы домой, чтобы переодеться в новую чистую футболку. По крайней мере, большинство девушек, которых я знаю. Но не Бэйлор. Она просто смотрит на свою забрызганную газировкой футболку, пожимает плечами и продолжает смеяться со своими друзьями, заходя в здание. Пока Бэйлор придерживает своим друзьям дверь, она оборачивается и замечает, что я на нее смотрю. Снова. Ее лицо опять заливается очаровательным румянцем, а по ее глазам я вижу, что она сейчас улыбнется. Но тут из здания выходит говнюк и обнимает ее. Она заходит с ним внутрь, даже не оглянувшись. Но от меня не ускользает, как она слегка отдаляется от него, и этот крохотный жест вызывает у меня всевозможные мысли.

Мы на вечеринке, празднуем нашу победу в подпольном клубе Университета Клемсона. Мы сегодня задали жару. Это была победа «всухую», и вдобавок ко всему я сам забил два гола. Несколько часов спустя мы все еще пребываем в эйфории.

– О да! – Дин хлопает меня по спине. – Зацени-ка. Близняшки.

Он кивает на блондинок-двойняшек, которые только что зашли в клуб. Он поворачивается к Джонси и Тиму.

– Какая жалость, что вы под каблуком, а то тоже могли бы поучаствовать. Близняшки, – повторяет он, не веря своему счастью.

Очевидно, он уже представляет себя вместе с ними.

⁴ Доктор Зюсс – псевдоним американского детского писателя и иллюстратора своих книг Т. С. Гайзела.

– Чувак, я не собираюсь ввязываться в какую-то извращенную оргию. Просто выбери любую, а я возьму оставшуюся, – говорю я, оценивая их одинаковую внешность. – Все равно разница, кажется, небольшая.

Как выясняется, от нас даже не требуется никаких усилий. Они замечают, что мы на них смотрим, и подходят напрямик к нам.

– Девушки, можно вас угостить? – спрашиваю я.

Они переглядываются между собой и хихикают, на что Дин беззвучно шепчет мне:

– Давай, приятель!

Я смеюсь и качаю головой:

– Привет! Меня зовут Гэвин, а это Дин.

Я протягиваю им руку для пожатия.

– Мэнди, – говорит одна.

– Минди, – одновременно с ней произносит другая.

Я чуть было не закатываю глаза – настолько легко нам клеить девчонок. Должен признать, что нам обоим очень повезло по части внешности. У Дина темные волосы и мужественный вид байкера. У меня на голове беспорядочная копна темно-русых волос, за которую девчонки обожают хвататься, когда визжат и извиваются подо мной. К большому неудовольствию моего тренера, я отказываюсь коротко стричься по этой самой причине.

Тим и Джонси качают головами, глядя, как мы ведем Мэнди и Минди к бару, чтобы купить им выпить. Не то чтобы их нужно было напоить. Они, кажется, и так готовы раздвинуть для нас свои трезвые ноги.

Не прошло и часа, а я уже прижимаю Минди – или Мэнди – к стене возле туалета. Мы страстно набрасываемся друг на друга. Вдруг она предлагает переместиться в другое место и тащит меня за собой в кабинку для инвалидов в женском туалете.

Там она садится на крышку унитаза и притягивает меня к себе за петельки для ремня, так что я оказываюсь прямо перед ней. У меня возникает ощущение, что ей это не впервой. Она дотягивается до моего паха и хватается за мой член, двигает по нему рукой вверх и вниз – но ее траектория слишком длинная, а движения слишком медленные на мой вкус. Я пытаюсь насладиться ощущениями, распространяющимися по моему телу, когда смотрю на ее макушку и вижу, как ее светлые кудри подпрыгивают, пока она возится с пуговицами на ширинке, облизывая губы.

Ни фига себе! Она собирается сделать мне минет прямо здесь!

Часть моего сознания хочет мысленно дать пять моим приятелям. Другая часть – та часть, которую я не хочу слушать, но у меня нет выбора, поскольку из-за нее мой твердый, как скала, член становится вялой, ни на что не годной фиговиной, – эта часть считает, что я не хочу, чтобы эта блондинка делала мне минет. Эта часть знает, что есть только одна девушка, с которой я действительно хочу что-то сейчас делать. И она брюнетка. И вполне вероятно, что прямо в эту секунду она извивается под этим говнюком Крисом.

Черт!

Я застегиваю штаны и извиняюсь перед Минди – или Мэнди, – я намеренно неразборчиво бурчу ее имя, чтобы она не догадалась, что я не знаю, которая она из двух. Я говорю ей, что слишком много выпил и мне надо пойти домой и проспаться. Я отправляю друзьям эсэмэс и ухожу с вечеринки, направляясь напрямик в отель. Один. Я знаю, что, скорее всего, они будут мне это припоминать вечно.

Неделю спустя я осознаю, что вопреки моим опасениям Дин вообще надо мной не подтрунивал. После моего ухода Минди/Мэнди пошла искать сестру – и нашла ее вместе с Дином в весьма компрометирующем положении, к которому она была не прочь присоединиться. Стоит ли говорить, что вместо того, чтобы издеваться надо мной, он теперь, наверное, всю жизнь будет целовать мои чертовы ноги в память о тех близняшках.

– Одновременно? – в очередной раз спрашивает Тим, пока мы все пытаемся представить себе невероятную картину, нарисованную для нас Дином на утренней пробежке.

– Признайте, господа, – говорит Дин, – я просто бог секса.

Мы втроем даем ему подзатыльники, пробегая мимо.

Кажется, я не могу жаловаться. Я сам решил уйти с вечеринки, когда Минди/Мэнди была, очевидно, так возбуждена, что уже не могла сдерживаться. Не так давно я и сам был бы не против секса втроем.

Чертова Бэйлор.

Я еще даже не знаю ее фамилию, а она уже привела мои мозги в полный беспорядок. Она меня отвлекает. От футбола. От учебы. От жизни. Такого никогда не происходит. Гэвин Макбрайд не отвлекается.

Мы бежим дальше, парни продолжают обсуждать бога секса Дина, а мои мысли перескакивают на миниатюрную девушку с глазами-хамелеонами, которая каждую ночь появляется в моих грезах. Я представляю себе, какими мягкими будут на ощупь ее волосы. Я мечтаю распустить хвостик из этих волос и дать им рассыпаться вокруг ее лица, когда она наклоняется ко мне и закрывает нас своими волосами, сидя на мне верхом. Чего я не понимаю, так это того, что я мечтаю не только о сексе, но еще и обо всяких глупостях вроде длинных прогулок, бесконечных эсэмэс и ее посещений моих футбольных матчей.

За свою жизнь я много мечтал о девушках. Но до сих пор они оставались безымянными... даже безликими. Я не знаю, почему меня так неудержимо к ней тянет. Я пытался это игнорировать, выключить и двигаться дальше. Но не могу. Черт, она прочно засела в моем организме.

Я знаю только один способ с этим справиться. Мне надо, чтобы Бэйлор начала со мной встречаться. У этого плана есть только одна проблема. И эту проблему зовут Говнюк.

Глава 4

В Северной Каролине наступила осень. Это приятное разнообразие для спортсменов вроде меня, которым приходится большую часть дня проводить на улице. Но в то же время наступление осени – это еще одно напоминание о том, что я не только ничуть не приблизился к тому, чтобы пригласить объект моего вожделения на свидание, но даже ни разу не поговорил с ней, если, конечно, не считать брошенного на бегу «привет».

Однако трудностей я не боюсь, поэтому сегодня утром уговорил парней слегка изменить маршрут. Я никогда не утверждал, что не стану повсюду за ней следовать, чтобы узнать ее распорядок дня. И вот, когда мы уже в третий раз пробегаем мимо Фетцер-Холла, Бэйлор наконец появляется – в миленьком спортивном костюме, в котором занималась в спортзале. Она сняла кофту и повязала ее вокруг талии, открыв обтягивающий спортивный топик, в котором она занималась, и сексуальные пятна пота в зоне декольте.

Черт, как это возбуждает!

Выйдя из здания на прохладный свежий воздух, она прикрывает глаза, улыбается и делает глубокий вдох. Еще чуть-чуть – и мне нужно будет немедленно уйти и принять холодный душ.

Бэйлор бежит по направлению к своему общежитию, в ее манере бега есть какая-то тягучая грация, а мы весьма кстати бежим позади нее.

Парни задерживаются, а я догоняю ее и бегу рядом.

– Привет! Бэйлор, да? – спрашиваю я так, словно ее имя не впечаталось в мой мозг еще два месяца назад.

На ее уже раскрасневшемся лице сложно заметить румянец, но он там есть.

– Ой, привет! – с улыбкой произносит она, не сбавляя шага. – Гордон, да?

Ба-бах!

Это разорвалось мое несчастное сердце. Она разбила его прямо тут, на тротуаре. Как она могла забыть, как меня зовут? Наше прикосновение в тот день было просто электризирующим! Со мной такого ни разу не случалось. Должно быть, я попал в параллельную вселенную или что-то в этом духе. Мне надо прямо сейчас развернуться и уйти. Обычно я так и делаю. Не то чтобы девушки мне когда-либо отказывали, но зачем попусту сотрясать воздух с этой, если в двух шагах можно найти с десяток красоток, которые с радостью согласятся быть со мной. Но я не могу. Я не могу развернуться. По какой-то неведомой – и совершенно чуждой мне – причине меня к ней тянет.

Она, наверное, увидела по моему лицу, как я шокирован, и хихикает.

Боже, этот звук! Если бы я мог сделать только одну вещь на земле, я бы сделал так, чтобы она снова издала этот звук.

Бэйлор говорит:

– Я шучу. Привет, Гэвин.

Кажется, я влюбился. Я мог в нее влюбиться, если мы только один раз поговорили?

Конечно нет, тряпка, ругаю я себя.

Но одно я знаю точно. В этой девушке я нашел свою треклятую половинку. Я это чувствую. И я только что сделал целью своей жизни добиться того, чтобы она согласилась со мной встречаться. Бэйлор не похожа на других. Я понял это еще тогда, на ознакомительном мероприятии. Судя по тому, как она ведет себя с людьми, она совершенно бескорыстная и даже не представляет себе, какая она классная. Ей совершенно наплевать, как она выглядит или что о ней думают другие. И она не теряет голову от того, что я оказываю ей знаки внимания, – хотя румянец ее, конечно, выдает. Бэйлор тоже меня хочет. Может, она просто пока этого не осознает.

– Хочешь побегать со мной? То есть с нами? – спрашиваю я, указывая на свиту позади нас.

– Может, в другой раз, – говорит она. – Я просто бегу обратно в общежитие. У меня сегодня утром лекции.

Бах!

Мое сердце дало еще одну трещину. Я знаю, что занятия у нее начинаются только в девять, потому что я следил за ней в прошлую среду. А сегодня среда. Может, в тот день она пропустила лекцию. Точно, пропустила на прошлой неделе, поэтому сегодня ей обязательно нужно пойти. Если бы не это, она бы побежала со мной, я уверен.

– Ладно! Тогда увидимся, – говорю я и отскакиваю, чтобы спасти хоть какую-то часть своей репутации.

Она кричит мне вслед, и я чуть не спотыкаюсь о свои собственные ноги.

– Если ты придешь к Фетцер-Холлу в понедельник в это же время, я с тобой пробежусь, – говорит Бэйлор, после чего сворачивает на дорожку к своему общежитию.

Я оборачиваюсь.

– Супер! То есть ладно, договорились! Увидимся в понедельник!

Я закатываю глаза. С каких это пор я так волнуюсь в присутствии девушки? Со мной такого никогда не случалось. Никогда. До Бэйлор.

Я попал.

Я оборачиваюсь и вижу, что мои друзья просто согнулись пополам от смеха. Да, я так и знал, что рано или поздно они найдут, как меня подколоть.

– Как хорошо, что у тебя наконец-то свободные выходные и ты можешь пойти с нами на матч, – говорит Карен, беря меня под руку, когда мы идем на стадион.

Вот почему еще паршиво быть футболистом! Мы пропускаем все матчи нашей команды по регби – а она в этом году, как назло, очень сильная. Но эти выходные у нас свободны – что редко бывает в течение сезона, – и я планирую использовать их по полной. Несколько парней из моей команды скинулись и организовали сегодня вечером вечеринку за пределами университетского кампуса. Мы даже уговорили тренеров отменить воскресную тренировку, согласившись провести длинную тренировку сегодня утром. Все складывается идеально. Единственное, что можно было бы улучшить, это если бы я как-то смог пригласить на вечеринку Бэйлор. Она не общается с людьми из моей тусовки, состоящей в основном из спортсменов и девчонок из женского клуба. *Ха!* Не могу даже представить себе Бэйлор в женском клубе!

– Что в этом смешного? – спрашивает Карен.

Оказывается, я рассмеялся вслух.

– Ничего, – отвечаю я. – Просто рад, что выдалось свободное время, чтобы посмотреть матч.

Мы с Джонси ведем Карен и Марси на стадион.

У киоска с едой и напитками мы с Джонси останавливаемся.

– Хочешь чипсов или вон тот большой соленый крендель? – предлагаю я Карен.

Она смотрит на меня так, будто у меня выросла третья рука.

– Ты что, шутишь? – спрашивает она. – И пустить целую неделю диеты коту под хвост? – Она качает головой: – Нет, я сэкономлю калории для пива на вашей вечеринке сегодня вечером.

Карен подпрыгивает на месте и хлопает в ладоши.

– Ой, жду не дождусь! Будет очень классно!

Она вытаскивает Марси из очереди.

– Увидимся на трибуне, – говорит она.

Мы с Джонси смотрим им вслед.

– Ты должен пресечь это в зародыше, приятель, – говорит он.

– Пресечь что в зародыше?

Очередь медленно движется вперед.

– Ты же знаешь, что она считает, что ты к ней равнодушен, да? – Джонси кивает в сторону девушек.

– Что за бред?! – недоумеваю я. – С чего бы она так считала?

Он смотрит на меня в упор:

– Гэвин, у тебя не было секса уже несколько месяцев.

– И она думает, что это потому...

– Ага, – прерывает он меня.

– Но... – Я качаю головой и вопросительно смотрю на него.

Друг просто утвердительно кивает в ответ.

– Вот блин! – произношу я.

– Я слышал, как она сказала Марси, что ей кажется, что ты наконец-то передумал и скоро все поймешь, – объясняет он.

– Блин в квадрате! – говорю я.

– Чувак, ты должен ее просветить, – говорит он. – Сколько она тебя уже хочет? С третьего класса? Не пудри ей мозги. Делай дело или дай его сделать другим.

– Не пудрить ей мозги? – Я вопросительно приподнимаю брови. – Я ни разу...

– Я думаю, она так не считает, Гэв, – прерывает он меня.

Я следующий в очереди, так что достаю из кошелька несколько купюр. Потом смотрю на толпу и замечаю ее. Бэйлор. Она с каким-то парнем, но это не Говнюк, а какой-то другой парень с фотоаппаратом на шее. Она разговаривает с группой студентов и делает пометки. Точно, она же увлекается журналистикой. А парень фотографирует. Наверное, они делают репортаж о матче для студенческой газеты. Она засовывает карандаш за ухо, и этот жест меня совершенно очаровывает – ну просто сексуальная библиотечка.

Бэйлор поднимает глаза и замечает, что я за ней наблюдаю. Я еще не видел более радостной улыбки, озаряющей лицо девушки, и еще я замечаю одну деталь, которую не заметил раньше. Ямочку на ее правой щеке. Цель жизни номер два: видеть эту ямочку как можно чаще.

– Сэр! Сэр, что для вас?

Я оборачиваюсь и вижу, что задерживаю очередь. Поэтому я быстро делаю заказ и снова оборачиваюсь. Она уже ушла. *Черт!*

В течение всей игры я рассматриваю трибуны, пытаюсь отыскать ее взглядом. Это все равно что искать иголку в стоге сена. В буквальном смысле. Здесь шестьдесят три тысячи человек, какова вероятность того, что я найду среди них одну миниатюрную девушку?

Очевидно, не очень большая.

Когда мы выходим со стадиона после игры, у Карен звонит мобильный. Они с Марси мчатся в общежитие, чтобы предотвратить какую-то модную катастрофу. Джонси вызывается их проводить, потому что уже начинает темнеть. Я соглашаюсь пойти помочь ребятам готовиться к вечеринке.

Я иду к парковке, когда замечаю впереди группу из трех парней. Они стоят кружком, двое из них нетрезво покачиваются. Один из них отклоняется в сторону. И тут я вижу, что в центре их круга стоит Бэйлор – она до смерти напугана и крепко прижимает к груди свою записную книжку. Я подбегаю ближе и вижу, как один из них дотрагивается до нее.

Она кричит:

– Эй! Оставь меня в покое, придурок!

– Придурок? – произносит козел, который ее трогал. – Кого ты назвала придурком? Я просто хочу немножко повеселиться, только и всего.

Он убирает волосы ей за ухо.

Ну все. Сейчас я его убью.

Слава богу, что для игры в футбол руки не нужны. Блин, даже если бы и были нужны, не думаю, что это помешало бы мне оттолкнуть двух его приятелей и ударить придурка по морде. Бэйлор отпрыгивает в сторону, а парень падает на землю, из его покалеченного носа течет кровь. Я нависаю над ним, боковым зрением следя за его приятелями, на случай если они вдруг окажутся настолько глупы, что решат на меня напасть.

– Если не хочешь получить еще, то советую тебе извиниться перед девушкой и убираться отсюда на хрен.

Он смотрит на меня снизу вверх, чтобы понять, насколько я серьезен. Потом со стоном бормочет, прикрывая ладонями лицо:

– Извини. Я ничего плохого не имел в виду.

Я делаю знак его друзьям, чтобы они подняли его задницу с земли, и смотрю, как они уходят, оставляя небольшие кровавые следы через каждые пару метров на тротуаре.

Я поворачиваюсь к Бэйлор – она побледнела и вся дрожит.

– Бэйлор, ты в порядке? – Я подхожу к ней. – Он ничего тебе не сделал?

Она не может говорить, поэтому просто отрицательно качает головой. По тому, как дрожит ее нижняя губа, я понимаю, что она сейчас заплачет. *Черт!* Терпеть не могу, когда девушки плачут.

Она медленно приближается ко мне и, запинаясь, произносит:

– С-с-спасибо...

И обрушивается на меня.

Я поддерживаю ее, обняв руками. Это чертовски приятно. Наши тела идеально подходят друг другу, мой подбородок удобно ложится на ее макушку. Ужасно, что для того, чтобы я смог ее обнять, к ней должен был пристать какой-то козел.

– Ш-ш-ш, – шепчу я в ее волосы, а она тихонько всхлипывает.

Я стараюсь, чтобы Бэйлор не заметила, что я вдыхаю сладкий запах ее шампуня.

– Все в порядке. Ты в порядке, – успокаиваю я ее.

Через минуту она поднимает на меня распухшие от слез глаза, под одним из них я замечаю черное пятнышко размазанной туши. Это не важно, она все равно прекрасна. Я нахожусь в плену ее чарующих глаз, большим пальцем я стираю слезу, а заодно и пятнышко туши. Я вытираю руку о свои джинсы и думаю, что теперь никогда не захочу мыть руки, ведь на них остались ее слезы.

Тряпка.

Я качаю головой.

– Я, наверное, ужасно выгляжу, – говорит она.

– Ты нормально выглядишь, Бэйлор. – Я улыбаюсь ей. – Вернее, ты прекрасна, как всегда.

Она неуверенно улыбается мне. Это не та улыбка, от которой у нее на щеке появляется ямочка.

– Я так рада, что ты появился. Не знаю, чем я думала, – говорит она. – Я брала у них интервью для газеты перед матчем, и тогда они были довольно милы. Поэтому когда они подозвали меня к себе, я не думала... – Она качает головой: – Какая же я дура!

– Нет, Бэйлор. Ты не дура, – говорю я. – Просто тебе нужно быть осторожнее. А где тот фотограф, который был с тобой перед матчем?

– Ему пришлось уйти раньше.

– Он ушел, не проводив тебя домой? – спрашиваю я рассерженно, теперь я хочу отметить и его тоже.

– У него возникло какое-то срочное дело, – говорит Бэйлор. – Он не виноват. Мне надо было сразу пойти домой, как я ему и обещала.

Она все еще дрожит. Я не могу оставить ее в таком состоянии. Я смотрю, где мы находимся, и вспоминаю, что неподалеку есть прекрасная кофейня.

– Хочешь кофе? – спрашиваю я.

Она смотрит на меня снизу вверх, очаровательно сморщив носик, от чего мой член оживает в штанах.

– Тебе нужно успокоиться, – объясняю я. – Почему бы нам не пойти в кофейню за углом и не заказать тебе чашечку кофе, чтобы ты смогла расслабиться?

Она тихонько хихикает – от этого я тоже улыбаюсь до ушей.

– Хм, не уверена, что *кофе* поможет мне расслабиться, – говорит она. – Но ладно, пожалуй, что-нибудь шоколадное и правда не помешает.

Несмотря на то что я почти уверен, что у нее все еще есть парень, я веду ее в кофейню за углом, которую всегда буду считать местом нашего первого свидания.

Глава 5

Бэйлор заказывает шоколадный смузи, а я – свой обычный кофе. Меня ненадолго отвлекает парнишка из моей команды, и когда я кладу несколько купюр на прилавок, бариста сообщает, что счет уже оплачен. Не знаю, зол я или крайне впечатлен. Я подхожу к Бэйлор, которая добавляет взбитые сливки в свой смузи, и говорю:

– Это было в последний раз, когда ты за что-то платила.

Она отмахивается от меня и идет выбирать столик у окна, выходящего на улицу. Когда я сажусь за столик, она не теряет ни минуты, чтобы надрать мне задницу – да так, что я борюсь с искушением проверить, что от нее осталось.

– Я знаю, кто ты такой, Гэвин Макбрайд, – произносит Бэйлор, скрестив руки и устроившись поудобнее, чтобы прочитать мне мораль. – И мне совершенно плевать, что твои родители владеют половиной Техаса или что твой отец может стать президентом. Если мы с тобой станем друзьями, то давай сразу проясним одну вещь. Я сама плачу за себя. Я всегда так делала и всегда буду так делать. Если твоя непослушная грива мешает этой мысли достичь твоего мозга, то тебе лучше прямо сейчас встать и пойти поискать себе другого друга.

Она втыкает в смузи трубочку и внимательно смотрит на меня, потягивая напиток, в котором, наверное, больше жиров, чем Карен потребляет за неделю.

Я все же крайне впечатлен.

Придется к этому привыкнуть. Хотя семья Карен гораздо богаче моей, она все равно ожидает, что я буду платить за нее, когда мы куда-то идем вместе. Черт побери, мы даже не встречаемся, а она все равно ждет, что платить буду я! Сначала я думал, что так принято на юге, потому что она из Техаса. Но со временем узнал, что просто так принято у Карен.

Я смотрю, как Бэйлор потягивает шоколадный коктейль через соломинку... *Черт*, никогда в жизни я так сильно не хотел быть соломинкой!

– Ладно, – сдаюсь я. – Но я буду платить за себя, Бэйлор. Я больше не позволю тебе платить за меня.

Она склоняет голову набок и оценивающе смотрит на меня.

– Думаю, я смогу с этим жить, – говорит она.

И снова улыбается. Той улыбкой, от которой появляется ямочка на щеке. И вот так запросто мы стали друзьями!

– Подожди-ка минутку, – говорит она, встает и идет к бариста.

Вскоре Бэйлор возвращается и приносит пакет со льдом. Она осторожно поднимает мою руку, лежащую у меня на бедре, и кладет ее на стол. Потом кладет на мои распухшие костяшки пакет со льдом.

Я улыбаюсь и благодарю ее. Я позаботился о ней, а теперь она заботится обо мне. Она улыбается мне в ответ, и готов поклясться, что она совершенно точно знает, о чем я сейчас думаю.

– Значит, Бэйлор, – произношу я, наслаждаясь ее именем на языке. – У тебя необычное имя. Никогда еще не встречал такого. Ты из Техаса? – спрашиваю я.

Я знаю ответ еще до того, как она его произносит. У нее нет даже намека на акцент, в отличие от меня. Она даже близко не из тех же краев, что и я. Я осознаю, насколько меня это огорчает.

Бэйлор качает головой:

– Нет. Мы живем в Коннектикуте, но мой отец учился в Техасе. Он был большим фанатом футбольной команды Бэйлорского университета. До сих пор их фанат.

Черт. Коннектикут далеко от Техаса.

– А-а-а, так значит, ты с севера. Но даже несмотря на это, мне очень нравится твое имя, – подмигиваю я ей. – Кстати, могло бы быть гораздо хуже. Твой отец мог учиться в Клемсоне... или в Помоне.

Мы смеемся.

– Помона! – с отвращением произносит она. – Фу! Меня бы все называли Мона. Ужас!

Она хихикает, и тут я начинаю думать, что бы еще сказать такого смешного, чтобы снова услышать этот звук.

Мой телефон вибрирует на столе, но я не обращаю на него внимания. Бэйлор указывает на него.

– Все в порядке, ты можешь ответить.

– Кто бы это ни был, пускай подождет, – говорю я. – Расскажи мне про журналистику. Ты сказала, что брала интервью для университетской газеты. Ты там работаешь?

Она вытирает с губ взбитые сливки, заставляя меня позавидовать салфетке.

– Нет, я подавала туда заявку, но у них уже длинный список из студентов, которые хотят там работать. Все равно они, как правило, не берут статьи, написанные младшекурсниками. Так что это скорее для практики, чем для чего-то еще. Меня вряд ли будут публиковать, по крайней мере еще год.

– Я бы с удовольствием почитал, что ты пишешь, – говорю я.

Она краснеет. Я улыбаюсь. Мы пьем.

– Значит, у тебя нет работы? – спрашиваю я.

Девушка качает головой:

– Оплачиваемой нет.

Уголки ее губ приподнимаются, а ее удивительные глаза блестят.

– Но три раза в неделю я помогаю в детской больнице.

Мой телефон опять вибрирует. Бэйлор говорит:

– Лучше ответь, может, что-то срочное.

Я сдаю и щелкаю по экрану – мне пришло несколько эсэмэсок от Карен, которая интересуется, где я. Я быстро отвечаю, что опоздаю, и прошу меня не ждать. Телефон тут же вибрирует снова, так что я убираю его в задний карман.

– Если я не ошибаюсь, ты специализируешься, но совершенно не интересуешься политологией, верно? – спрашивает она.

Мне трудно сдержать улыбку. У нас был всего один коротенький разговор несколько месяцев назад, когда Бэйлор растянулась на тротуаре. Но она запомнила. Да, это наверняка что-то значит.

– Ну, когда твой отец политик, это как бы в порядке вещей, – говорю я.

– Почему? – спрашивает она.

Я изучаю серьезное выражение ее лица.

– Наверное, потому, что от меня этого ожидают.

– Понятно.

Она хмурит брови, и мне кажется, что я каким-то образом ее подвел.

– Ты всегда делаешь то, чего от тебя ожидают?

– Не всегда, – говорю я, стараясь доказать этой независимой девушке свою независимость. – Я играю в футбол. Этого от меня не ожидали.

– Значит, ты любишь футбол? – спрашивает она.

– И да, и нет, – честно отвечаю я.

Думаю, даже капельку неискренний ответ ее не устроит.

– Мне нравится играть, и благодаря футболу я получил тут стипендию, но футбол – не моя страсть.

– Тогда зачем ты играешь?

– Честно? Чтобы уклониться от всей остальной ерунды, которой от меня ожидают. Я качаю головой, осознавая, что выгляжу сейчас полным болваном.

– Значит, ты не хочешь заниматься политикой и играешь в футбол, чтобы не говорить отцу, что тебе не нравится жизнь, которую он для тебя приготовил.

Это был не вопрос. Кто она вообще такая, эта девушка? Я пью кофе и размышляю над ее философией. Мой телефон вибрирует еще несколько раз, и игнорировать его становится все сложнее.

– Прости, ты не возражаешь, если я отвечу на звонок? Кто-то никак не перестанет мне досаждать.

– Да, пожалуйста, – говорит она. – Наверняка твоя девушка интересуется, что тебя задержало.

Я кладу телефон экраном на стол.

– У меня нет девушки, Бэйлор.

Она приподнимает брови.

– Думаешь, я в это поверю?

– Конечно, – отвечаю я. – Это же правда.

– Тогда кто та блондинка, с которой я все время вижу вас вместе? – спрашивает она. – Когда вы шли на матч; кажется, вы очень близки.

Она краснеет, осознав, что проговорила, что наблюдала за мной. Я молча наслаждаюсь этой победой.

– Карен? – со смехом спрашиваю я. – Нет, она не моя девушка. Мы дружим с детства и действительно много времени проводим вместе, но она точно не моя девушка.

– Хм-м-м. – Бэйлор смотрит на меня скептически. – А *она* об этом знает?

Я громко смеюсь:

– Очень на это надеюсь. – Я смотрю ей прямо в глаза и повторяю: – Бэйлор, у меня нет девушки.

– Ладно.

Она смущенно отводит взгляд.

– Но тебе все равно стоит посмотреть, кто пытается с тобой связаться.

Я переворачиваю телефон и вижу, что Карен звонила и писала несколько раз и Дин один раз звонил.

– Не возражаешь, если я быстро позвоню? – спрашиваю я ее.

– Да, давай, – говорит она и достает свою записную книжку, чтобы не сидеть без дела.

Я набираю номер Дина.

– Привет, Дин. Я задержался.

– Гэвин, тащи сюда свою задницу, – говорит он. – Вечеринка просто обалденная! Кажется, полкампуса пришло.

– Кстати, о вечеринке, – говорю я. – Меня тут немного отвлекли.

Я смотрю на Бэйлор – она делает вид, что просматривает свои записи, но уголки ее губ ползут вверх.

– Я сильно опоздаю, если вообще приду. А сейчас мне надо идти.

– Ага, я понял, – он смеется в трубку. – У тебя был долгий период воздержания, приятель. Иди займись сексом и перестань нас всех донимать своей раздражительной задницей.

Потом он кричит:

– Слушайте сюда, парни! Макбрайду сегодня дадут!

Я слышу одобрительные возгласы на заднем плане.

Я выпучиваю глаза, но, судя по поведению Бэйлор, она все же не слышала заявления Дина.

– Все не так, приятель. Но сделай мне одолжение и попроси Карен перестать мне писать. Мне пора.

Я выключаю телефон и кладу его обратно в карман.

Бэйлор кладет записную книжку на стол.

– Если тебе нужно куда-то идти, не задерживайся.

– Бэйлор, мне никуда не *нужно* идти, – говорю я. – Я *хочу* быть здесь. А ты? Тебя разве никто не ждет? Этот, как там его, с ознакомительного занятия?

Как будто его имя не знакомо мне до боли.

– Крис, – говорит она.

– Точно, Крис, – повторяю я. – Твой парень, да?

Она застенчиво пожимает плечами и кивает так, словно ее это смущает.

– Вы уже планируете свадьбу и детей или просто проводите вместе время, пока не найдете свою половинку? – спрашиваю я.

– Ого, вот так прямолинейно? – спрашивает она.

– Кто бы говорил, – парирую я.

Она самодовольно улыбается:

– Мы с Крисом давно знакомы. Мы много лет дружим, но встречаться начали недавно, когда приехали сюда. Думаю, это казалось логичным следующим шагом.

– То есть ты сделала то, чего от тебя ожидали? – спрашиваю я.

– Туше, – говорит она.

Бэйлор допивает свой смузи, вытаскивает и облизывает эту везучую трубочку. Я заворужен и не могу отвести взгляд.

– Раз твое призвание не политика и не футбол, то что же тогда? – спрашивает она.

Я качаю головой:

– Ты будешь смеяться.

– Почему я буду смеяться, если ты расскажешь мне о мечте своей жизни, Гэвин?

Побежденный, я опускаю глаза на стол. *Потому что все смеются.* По крайней мере смеялись. Пока я не перестал о ней рассказывать. Но Бэйлор не такая, как все. Думаю, она единственный человек, который дал мне почувствовать, что я могу просто быть собой. Что мне не надо ничего из себя изображать и не надо притворяться, что я идеальный сын конгрессмена Макбрайда.

Я закрываю глаза и произношу:

– Кинопроизводство.

Когда я не слышу, чтобы она смеялась над моими пустыми мечтами, то снова открываю глаза.

Бэйлор просто смотрит на меня.

– То есть снимать фильмы и все такое? – спрашивает она без смеха. И без закатывания глаз.

Я киваю.

– Да, – говорю я. – У меня был такой курс по выбору в течение одного семестра в старших классах, и... не знаю... это меня зацепило.

– Ты же знаешь, что можешь выбрать кинопроизводство своей специальностью здесь, в Университете Северной Каролины? – говорит она. – Вообще-то я слышала, что у них довольно хорошая программа.

Я снова киваю:

– Да.

– Боже милостивый, Гэвин! – говорит она, вытянув руки, словно задавая вопрос. – Почему же ты тогда не специализируешься на *нем*?

– Ты не знаешь моего отца, Бэйлор.

– Нет, не знаю. И про тебя я тоже почти ничего не знаю, но знаю, что тебе не нравится политика. Как же ты сможешь получать удовольствие от карьеры в политике, если тебе даже не нравится ее *изучать*? А если твоя профессия не будет приносить тебе удовольствия, то как ты сможешь стать счастливым?

Она набирает в грудь воздуха, оценивающе смотрит на меня и продолжает:

– Ты хорошо играешь в футбол, но это не твоя страсть. Ты не сможешь стать счастливым, если будешь делать что-то только потому, что у тебя хорошо получается, особенно если ты будешь это делать по неверной причине. С моей стороны все выглядит так, что ты будешь всю жизнь делать что-то, что ты ненавидишь, просто чтобы угодить человеку, которого через несколько лет будешь видеть только на День благодарения и на Рождество. Так скажи мне, когда ты станешь старым и седым и будешь лежать на смертном одре, о чем ты пожалеешь, Гэвин?

Ни фиги себе!

Кажется, таким ошеломленным я еще никогда не был. Еще один первый раз с этой девушкой.

Она видит мою реакцию и закрывает рот рукой.

– Вот черт! Прости, пожалуйста, Гэвин. Я не должна была все это на тебя вываливать. Ты прав. Я не знаю твоего отца.

Она вздыхает:

– Моя мама выросла в семье, которая пыталась диктовать, что ей делать. Она освободилась от них и, наверное, поэтому вырастила меня так, что я восстаю против гнета.

Я пристально смотрю на нее. Она прекрасна. Ее волнистые волосы растрепались по лицу. Ее глаза приобрели тот же светло-голубой оттенок, что и футболка с баскетбольной командой «Тар Хилз», хотя я готов поклясться, что вообще-то они карие. Она виновато смотрит в свой пустой стаканчик из-под смузи. Я протягиваю руку и накрываю ее ладонь своей.

– Все в порядке, Бэйлор. Твоя мама должна тобой гордиться. Она вырастила прекрасную дочь.

Я смотрю на свою руку, лежащую на ее руке, и чувствую знакомые искорки. Такое же электричество, как в тот день, когда мы познакомились. Мне не показалось. Только в этот раз искорки не спускаются ко мне в пах. Они остаются прямо посередине груди. И прочно занимают мое несчастное сердце.

Глава 6

Черт!

Я смотрю на свой телефон.

У меня нет ее номера. Я даже не знаю ее фамилию. Мы провели вместе весь субботний вечер, а я даже не узнал ее фамилию? Да, обычно подобные сведения о девушках, с которыми я встречаюсь, меня не интересуют, но Бэйлор другая. Она совершенно не похожа на остальных. Если бы мы не договорились завтра вместе побегать, я бы, вполне вероятно, опять стал следовать за ней по пятам. Как маньяк. Вот до чего я докатился. До того, чтобы преследовать Бэйлор.

Я размышляю о нашем вчерашнем свидании. *И я буду называть его так, как пожелаю!* Я так и не дошел до вечеринки, к большому неудовольствию Карен. Не потому, что мы с Бэйлор в итоге провели вместе ночь. Этого не произошло. И – к своему большому удивлению – мне этого и не хотелось.

Если я ее заполучу... *когда* я ее заполучу... это произойдет, когда она уже не будет привязана к какому-то другому парню. Нет, мы просто несколько часов проговорили в кофейне. После этого я проводил ее в общежитие. А потом пошел домой. После того, как она меня обняла. Обняла за то, что я о ней позаботился. За то, что спас ее. Черт, а я не могу выбрать это своей специальностью? Потому что именно этим я и хочу заниматься следующие два с половиной года. Заботиться о Бэйлор. О Бэйлор, чьей фамилии я так и не знаю.

В понедельник, когда я встречаю ее перед пробежкой, прошу у нее телефон, как только она ко мне подходит. Ну то есть сразу после того, как я разглядел ее прелестные штаны для бега, обтягивающую футболку и волосы. Ее волосы выглядят так, словно она просто завязала их резинкой, не слишком стараясь, чтобы получилось аккуратно. Она очаровательна. Поздоровавшись, я протягиваю руку.

– Дай, пожалуйста, телефон, – говорю я и указываю на держатель для телефона у нее на руке.

Она достает телефон и протягивает его мне.

– Знаешь, тебе стоит бегать со своим телефоном. Бегать без телефона опасно. Вдруг ты упадешь или что-нибудь случится?

Потом она странно на меня смотрит.

– Гэвин, почему у тебя звенят шорты?

Она злобно наблюдает, как я выключаю звук своего телефона.

Потом возвращаю ей телефон.

– Потому что я только что позвонил себе, чтобы у тебя был мой номер.

Я приподнимаю брови, словно бросая ей вызов.

– Мне нужно, чтобы ты всегда могла до меня дозвониться, если тебя нужно будет проводить домой. – Я тычу пальцем ей в грудь. – В любое время. Я серьезно, Бэйлор.

– Ладно, ладно, – она поднимает руки в знак капитуляции. – Я поняла.

Она поднимает вверх три пальца – знак обещания герл-скаутов.

– Обещаю никогда не ходить одной, если только не иду на занятия.

Я прищуриваюсь.

– Ты ходишь на занятия одна? – спрашиваю я недоверчиво.

Она закатывает глаза.

– Днем, Гэвин! – возмущенно отвечает она. – Господи, да расслабься ты уже!

Она начинает бежать, и я вынужден последовать за ней.

У нее хорошая разминочная скорость, значит, она опытная бегунья. Пока я ее догоняю, наблюдаю за тем, как ее хвостик подпрыгивает вверх и вниз, и стараюсь не опускать взгляд ниже талии. *Не пялся на ее задницу, думаю я про себя.*

- Ну и где же твоя свита? – спрашивает она, когда я с ней поравнялся.
- Сегодня я один, – говорю я.
- Разве вы не всегда бегаете вместе, как стая или что-то в этом роде?
- Обычно да, – отвечаю я. – Наверное, я просто решил перестать делать то, чего от меня

ожидают.

Я подмигиваю. Она улыбается. Мы бежим.

Я позволяю ей задавать скорость. Я довольно хорошо бегаю. Мне иначе нельзя. За один матч мы можем пробежать от восьми до десяти километров. Мы немного разговариваем, но при нашей скорости серьезные разговоры придется отложить до следующего раза. Я не против. Мне достаточно просто бежать рядом с ней.

Пробежав пять километров, мы замедляемся и направляемся к ее общежитию. Я обещал себе, что не стану об этом спрашивать и позволю событиям идти своим чередом. Мне стоило бы просто помалкивать. Но у меня вырывается:

– Ты сказала как-там-ему, что мы вместе бегаем?

Она не смотрит на меня.

– Крису? Нет!

Я тоже смотрю прямо перед собой.

– А скажешь?

– Да, – тут же отвечает она.

Черт. Это не тот ответ, который я хотел услышать.

Мы у ее общежития. Она оставляет меня позади, запрыгивая на крыльцо через ступеньку.

– В среду в то же время? – спрашивает она, обернувшись и прикусив губу.

О-о-о, она прикусывает губу. Я хочу забежать к ней, высвободить эту губу от ее зубов и поцеловать ее. К черту парней, с которыми я обычно бегаю!

– Да, давай, – говорю я.

Я поворачиваюсь, чтобы бежать дальше. На полпути через лужайку я вспоминаю.

– Бэйлор! – кричу я.

Она с любопытством оборачивается.

– Какая у тебя фамилия? – кричу я.

– Проверь свой телефон, Макбрайд, – произносит она и с улыбкой исчезает в здании.

Я достаю телефон, который во время пробежки всегда ставлю в беззвучный режим. У меня новое сообщение.

Бэйлор: Привет, Макбрайд. Спасибо за пробежку. Бэйлор Митчелл.

Я смотрю на время. Больше минуты назад. Она, наверное, отправила эсэмэс, когда я уже ушел, но до того, как спросил. Эта девушка по-настоящему классная. Я точно попал. Я сразу же набираю ответ.

Я: И тебе спасибо. До среды, Митчелл.

Вместо того чтобы пробежать еще пять километров, я иду домой и принимаю холодный душ.

Наша пробежка в среду проходит точно так же. Я еще никогда не ждал утренних пробежек с таким нетерпением, как на этой неделе.

– Твои партнеры по команде не против, что ты бегаешь со мной несколько раз в неделю? – спрашивает она.

– Не-а, – отвечаю я. – Я просто сказал им, что я Спасатель Бэй, – смеюсь я.

– Спасатель Бэй? – Она прищуривает глаза, от чего на ее обычно гладком лбу появляется маленькая морщинка.

– Да, – говорю я. – Ну знаешь, есть Спасатели Малибу, а я – Спасатель Бэй. Мне нужно тебя охранять, чтобы те придурки с футбольного матча больше к тебе не приставали.

Она закатывает свои прекрасные глаза-хамелеоны.

– Гэвин, ты же знаешь, что ты не должен меня защищать.

Еще как должен! Она никогда не узнает, что я проигрываю в голове ту ночь, только с другим – ужасным – концом, в котором я не прибежал к ней на помощь.

– Я знаю, Бэй, – говорю я, пробуя ее новое прозвище. – Но раз тебе нужно на пробежку и мне нужно на пробежку, то мы вполне можем пробежаться вместе, разве не так?

Она размышляет над моими словами.

– Ладно. Кажется, с такой хорошо продуманной логикой не поспоришь, – смеется она.

Мы набираем скорость, и я спрашиваю:

– Ты уже сказала как-там-ему про наши пробежки?

Кажется, я вижу тень улыбки.

– Крису? Нет!

– А скажешь?

– Да. Скажу, – говорит она.

И быстро бежит вперед. Я бегу за ней. Я готов следовать за ней куда угодно.

В воскресенье вечером я с сожалением пишу Бэйлор эсэмэс:

Я: Мой тренер назначил тренировку завтра утром. Он хочет подготовиться к матчу во вторник. Извини, я не смогу с тобой побегать.

Бэйлор: Ничего страшного. Тогда увидимся в среду.

Я: Может, ты побегаешь завтра в спортзале?

Бэйлор: Гэвин, со мной ничего не случится.

Я не отвечаю сразу. Я не могу контролировать ее действия. Но при мысли о том, что она побежит утром одна, мне хочется забить на тренировку и потерять шанс стать стартовым игроком в матче. Прежде чем я успеваю придумать еще одно сообщение, у меня вибрирует телефон.

Бэйлор: Ладно. Побегаю в зале. Паникер.

Мое лицо расплывается в такой широкой улыбке, что у меня болят губы. Я практически слышу ее недовольный голосок и вижу, как она закатывает свои прекрасные глаза. Воспоминание о ее глазах заставляет меня задуматься о том, какого цвета футболка на ней сегодня. Но если я спрошу, во что она одета, это будет уже слишком.

Я: Спасибо. Кстати, ты когда-нибудь пишешь для газеты о футбольных матчах? Я слышал, на этой неделе у них, возможно, будет классный центральный нападающий.

Бэйлор: Да, я тоже слышала. Может, мне и придется сделать репортаж. Пока, Гэвин. Хорошей игры! До среды!

Что? Что она имеет в виду? Она придет на матч или нет? Эта мысль преследует меня два следующих дня. На мои матчи никогда не приходил кто-то, на кого я хотел произвести впечатление. Ну, если не считать представителей университета.

Когда мы выходим на поле разогреться перед матчем, я оглядываю студенческий сектор. Я никогда не смотрел на трибуны. Никогда. До Бэйлор Митчелл.

Бэйлор Митчелл. Ее имя не выходит у меня из головы. Интересно, а какое у нее второе имя?

«Блин, Макбрайд, сконцентрируйся на игре», – приказываю я себе, когда мы совещаемся на боковой линии перед введением мяча в игру. Ее тут, наверное, даже нет. Она ничего мне не писала. Она сказала: «Увидимся в среду». Наконец я убеждаю себя, что она не придет, и сосредотачиваюсь на том, что мне нужно делать.

Примерно два часа спустя я выбегаю с поля. Я забил гол, правда, моей команде это, к сожалению, не помогло. Я должен быть рассержен. Должен злиться, что некоторые из ребят в нашей команде не выложились сегодня по полной. Но я могу только улыбаться – ведь я заметил Бэйлор, лучезарно улыбающуюся мне с трибун недалеко от выхода. Я смахиваю потные волосы с глаз и подмигиваю ей. И вижу тот самый очаровательный румянец, заливающий ее лицо, а она опускает взгляд.

Жду не дождусь завтрашнего утра.

– Скучала по мне в понедельник? – спрашиваю я Бэйлор на пробежке в среду.

– Нет, – говорит она.

– Врешь, – я смотрю на нее.

– Да, – отвечает она, глядя прямо перед собой.

– Ты уже сказала как-там-ему про наши пробежки? – спрашиваю я.

Она пытается не засмеяться.

– Крису? Нет!

Я улыбаюсь.

– Ты собираешься ему сказать?

Она нарушает традицию и говорит:

– Не то чтобы его должно волновать, с кем я занимаюсь спортом, но вот почему тебя так интересует, сказала я ему или нет?

– Потому что если бы он знал мои намерения, у него бы поджилки затряслись, – дерзко выпаливаю я.

Мне кажется, я слышу, как Бэйлор резко вдыхает, но она и так уже тяжело дышит, поэтому трудно сказать наверняка.

– Не затряслись бы, – возражает она. – Думаешь, мне стоит ему сказать?

– Нет, не надо! – тут же отвечаю я. – Пока ты ему не рассказала, у меня есть шанс.

– М-м-м... – размышляет она, – тогда мне, пожалуй, лучше ему сказать.

Бах!

Мое сердце раскалывается пополам. Потом я смотрю на нее и вижу, что она прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Это вызывает у меня желание опрокинуть ее на землю.

– Ну да, конечно, – произношу я вместо этого.

Я обгоняю ее и бегу впереди, чтобы она рассмотрела хорошенько, от чего отказывается.

Я слышу, как она фыркает, а потом догоняет меня.

– Не льсти себе, Макбрайд, – говорит Бэйлор и ускоряется до нашего обычного темпа.

Во время заминки я говорю:

– Извини, но в следующий понедельник я опять пропущу пробежку. В пятницу мы уезжаем в Нотр-Дам на матч и вернемся только в понедельник вечером.

– Ничего страшного, – говорит она, когда мы добираемся до ее общежития. – Тогда я побегаю в Фетцер-Холле.

Она смотрит на меня искоса, потому что знает, что я улыбаюсь.

– Жаль, что не смогу побыть Спасателем Бэй, – говорю я.

– Мне тоже.

Бэйлор уходит.

– Эй, Митчелл! – кричу я ей вслед.

Она с улыбкой оборачивается.

– Что?

– Какое у тебя второе имя? – спрашиваю я.

– Проверь свой телефон, Макбрайд, – говорит она, смеясь, и заходит в здание.

Не может быть! Я достаю телефон, но новых сообщений там нет. И тут телефон вибрирует.

Бэйлор: Кристина. А твое?

Я: Мэддокс.

Бэйлор: Ладно, Гэвин Мэддокс Макбрайд, хорошо тебе съездить в Индиану!

Я: Да, мисс Бэйлор Кристина Митчелл.

В течение всей треклятой поездки в Нотр-Дам я пялюсь на брелок для ключей, который храню с того самого дня, когда мы познакомились. Я провожу пальцами по надписи.

Будь тем, кем больше никто не сможет быть... собой.

Я знаю, что должен сделать, когда вернусь в университет.

Глава 7

Во вторник днем я иду в учебную часть. Когда я вижу, что Трина там все еще работает, я понимаю, что моя задача только что стала гораздо проще. У нас с Триной была интрижка, когда я учился на первом курсе. Если быть совсем честным, думаю, она все еще тайно в меня влюблена, и судя по тому, как она на меня смотрит сквозь свои накладные ресницы, я не ошибся.

Я чувствую себя козлом из-за того, что собираюсь флиртовать с ней, чтобы получить то, что мне нужно, но это лишь средство для достижения моей цели.

– Трина! – восклицаю я, подходя к стойке с приклеенной на лицо улыбкой, заслуживающей Оскара. – Как поживаешь? Давненько не виделись.

Для пущего эффекта я тянусь и пожимаю ей руку.

– Гэвин Макбрайд, – произносит она. – Я поживаю неплохо. Но, кажется, жизнь начинает налаживаться.

Я наклоняюсь к ней и шепчу ей почти в самое ухо:

– Мне нужна одна услуга для друга, Трина.

Она вздыхает:

– Конечно, Гэвин, все, что хочешь.

– Сестра моего друга переводится сюда в следующем семестре, – вру я. – Она хочет убедиться, что сможет попасть на те же курсы, что и лучшая подруга ее детства. Но она хочет, чтобы это стало сюрпризом. Как думаешь, сможешь мне помочь, милая?

Я поглаживаю пальцами ее руку.

Вот я козлина.

– Да, конечно. Имя? – спрашивает она.

– Бэйлор, – говорю я. – Бэйлор Митчелл.

Я прозношу имя по буквам.

Спустя две минуты и один предательский поцелуй в щеку я выхожу из учебной части, а в кармане у меня лежит расписание курсов Бэйлор на весенний семестр. Следующая остановка – кабинет моего куратора.

Последние несколько недель были просто адскими. После Дня благодарения наша университетская команда участвовала в футбольном чемпионате, и у меня не было времени даже отдышаться, не говоря уже о том, чтобы проводить время с Бэйлор. Нам удалось несколько раз побегать, но, учитывая количество поездок и мой плотный график, это было непросто.

Поэтому я испытываю смешанные чувства из-за того, что мы не прошли в финал. С одной стороны, я желаю нашей команде успеха. С другой стороны, я немного охладел к футболу и теперь хочу сконцентрироваться на других вещах.

Например, на Бэйлор Кристине Митчелл.

– Гэвин? Ты услышал хоть слово из того, что я сказала?

Я смотрю на Карен, которая стоит рядом со мной, уперев руки в бока и поджав губки из-за того, что я не обращал на нее внимания.

– Э-э-э... да, вечеринка, – поддакиваю я, делая вид, что последние несколько минут ее слушал. – И что с ней не так?

– Дин говорит, что ты не пойдешь, – дуется она. – Почему?

– Потому что мне не хочется, Карен. Мы сегодня все-таки проиграли, если ты забыла.

– Тем больше поводов напиться со мной сегодня! – улыбается она.

– Не думаю, – говорю я.

Она плюхается на диван рядом со мной.

– Что с тобой происходит, Гэвин?

– Ты о чем? – спрашиваю я.

– Что с тобой происходит в последнее время?

Она пододвигается ко мне так, что я вынужден на нее смотреть.

– Сначала я думала, что ты весь в футболе и все такое, но в последний месяц ты сам на себя не похож, – говорит Карен. – Ты рано уходишь с вечеринок. Один. Или еще хуже – вообще не приходишь, как сейчас. Ты подсел на наркотики, Гэвин Макбрайд?

Я поперхнулся водой, которую пил.

– Черт, Карен! Ты же меня знаешь, – говорю я. – Во-первых, я никогда до такого не опускаюсь, а во-вторых, ты же знаешь, что университетских спортсменов тестируют на наркотики.

– Тогда в чем дело? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами:

– Может, мне просто надоело трахаться с каждой девчонкой в короткой юбке. – Я шумно выдыхаю. – Это все так чертовски бессмысленно.

Я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никого из моих приятелей нет поблизости, – не то прослышу сумасшедшим или импотентом.

Карен смотрит на меня с открытым ртом.

– К тому же есть одна девушка, – говорю я.

Она закрывает рот и продолжает дуться, но теперь еще и приподняв вверх брови.

– Девушка? – спрашивает она. – Что еще за девушка?

От меня не ускользает то, что она произносит слово «девушка» как ругательство.

– Ты с кем-то встречаешься, Гэвин?

– Нет, – отвечаю я, – но, кажется, хотел бы.

– Хотел бы встречаться с кем-то? То есть завести себе настоящую девушку? – недоверчиво переспрашивает она.

– Ну да, – говорю я. – Я подумал, что можно было бы попробовать ради разнообразия.

Карен откидывает голову назад и вздыхает, ее платиновые волосы рассыпаются по плечам. Потом она опускает взгляд и начинает ковырять шов на джинсах.

– И кто она?

– Ты ее не знаешь, – говорю я. – Одна девушка, на которую я наткнулся на ознакомительном мероприятии.

– Наткнулся?

Она размышляет над моими словами.

– О боже, ты же не имеешь в виду «Штучку Два», правда?

Я смеюсь, вспоминая дурацкую футболку, которая была на Бэйлор в тот день, когда мы познакомились. Я киваю.

– Ну да, это она, а почему бы и нет?

Она закатывает глаза.

– Ни одну из моих знакомых не застали бы живой в той чудовищной футболке, которая была тогда на ней, – говорит она. – Она же еще ребенок, Гэвин. Ты мог бы найти себе кого-нибудь гораздо лучше.

– Может, я не *хочу* никого гораздо лучше, Карен.

Она отмахивается от меня, качая головой.

– Хорошо, что на следующей неделе начнутся зимние каникулы. Месяц дома тебе не повредит.

Она встает и берет меня за руку:

– А теперь оторви свою задницу от дивана и иди собираться. Ты пойдешь с нами на вечеринку.

Я даю ей себя поднять. Думаю, будет неплохо выбраться из дома и расслабиться после футбольного сезона.

– Ладно, – сдаюсь я. – Дай только в душ схожу.

Она взвизгивает и достает косметичку, чтобы нанести на лицо еще больше ненужной фигни.

Я выбегаю из-за угла и вижу, что Бэйлор ждет меня перед Фетцер-Холлом. Я знаю, что на лице у меня дурацкая глупая улыбка. Но мне все равно.

На протяжении всей вечеринки в субботу я молча размышлял, как переживу пятидневные каникулы, не видя ее лица. Я пил, и разговаривал с людьми, и старался казаться общительным, чтобы Карен от меня отстала, но все это время я думал о том, как заставить родителей отпраздновать Рождество в Нью-Йорке или в Бостоне, просто чтобы быть ближе к Бэйлор.

– Скучал по мне, Макбрайд? – спрашивает она, подбегая ко мне.

Я смеюсь – она решила поменяться ролями.

– Нет, – отвечаю я.

– Врешь. – Она толкает меня локтем.

– Да, – признаюсь я.

– Жаль, что вы не попали в финал, – говорит она. – У вас были равные шансы в том матче.

Я вопросительно приподнимаю брови:

– Ты смотрела?

– Ну конечно! – говорит она. – Я знаю одного парня, который неплохо забивает голы.

– Правда? – спрашиваю я с улыбкой.

– Да, Дин Йоргенсен. Ты его знаешь?

Я тоже толкаю ее локтем.

– Предательница! – говорю я в ответ на упоминание моего лучшего друга.

– Говорят, он лучший крайний центральный бомбардир в команде.

Она смеется, что так плохо знает футбольную терминологию.

– Мне придется многому тебя научить, Митчелл.

– Давай, Макбрайд, – не сдастся она. – Может, когда-нибудь научишь меня играть.

Боже, как бы я хотел научить ее играть в футбол! Я представляю себе, как мы выйдем с ней на поле и будем обводить мяч. Я вижу, как она бежит по краю поля, ветер треплет ее волосы, а она смотрит на меня и кивает, чтобы я передал ей мяч. Что же в этой девушке такого, от чего я воображаю себе, как буду играть с ней в футбол, вместо того чтобы мечтать о совсем других играх?

– Ну, придется подождать до весны, – грустно говорю я. – Этот семестр так быстро прошел. Не могу поверить, что уже сессия.

– Да уж, – соглашается она. – У меня последний экзамен в среду. А у тебя когда?

– В четверг, – отвечаю я. – Ты сможешь побегать в среду?

Кажется, я в буквальном смысле задерживаю дыхание, пока жду ее ответа, – это не лучшая вещь во время пробежки. Не могу себе представить, что не увижу ее до января.

– Да, конечно, я смогу побегать в среду. Ты же должен выполнить свою миссию Спасателя Бэй, – дразнит она меня.

Я замечаю, что мы продолжаем разговаривать и не разгоняемся до нашей обычной скорости. Я внутренне улыбаюсь, думая про себя, что она тоже не хочет от меня уезжать. Черт, я буду скучать по нашим пробежкам по понедельникам и средам.

И тут мне в голову приходит идея.

– Бэй, хочешь продолжать со мной бегать на зимних каникулах?

Она смотрит на меня с подозрением.

– Э-э-э... ты собираешься приехать в Мейпл-Крик?

Если бы!

– Нет. Но мы все равно можем вместе бегать. Ну, каждый понедельник и среду в это же время.

Какое-то время она молчит, и я уже готов хлопнуть себя по лбу за то, что я такой идиот и подкаблучник.

Но тут я замечаю, что у нее на лице появляется улыбка.

– А как быть с разницей во времени? – спрашивает она. – Ты будешь бегать раньше или мне надо бегать позже?

– Я не хочу очень рано вставать на каникулах. Давай ты будешь бегать на час позже?

– Думаю, я смогу с этим жить, – говорит она. – Жаль только, что я не смогу видеть твою ужасную потную физиономию вживую.

Это наталкивает меня на еще одну мысль. Если я сейчас все сделаю правильно, это принесет мне большую пользу.

– Дай-ка мне свой телефон.

Я останавливаюсь и протягиваю руку. Она тоже останавливается и хмурит брови, но протягивает мне телефон. Я держу его на расстоянии вытянутой руки и делаю селфи. Потом возвращаю ей телефон и продолжаю бежать.

Она догоняет меня.

– А я что, пустое место? – спрашивает она. – Тебе разве не нужна моя фотография?

Да! Миссия выполнена.

– Нужна, конечно, – говорю я, осознавая, что все остальные девушки, которых я знаю, скорее бы умерли, чем дали себя запечатлеть в таком потном виде. Но это Бэйлор. Она не такая, как все остальные девушки, которых я знаю. И это одна из вещей, которые я в ней люблю.

Нравятся!

И это одна из вещей, которые мне в ней *нравятся*.

– Дай сюда, – требует она, снова останавливаясь.

Я передаю ей телефон. То, что она делает дальше, меня изумляет. Она делает три или четыре фотографии – на всех она корчит невероятно смешные рожи. На всех ее лоб покрыт потом. А хвостик растрепан от ветра.

Чеееерт.

Жду не дождусь, когда доберусь до дома и хорошенько рассмотрю эти фотки.

Бэйлор: Прости, Гэвин. Я невнимательно посмотрела на свое расписание. У меня последний экзамен утром, а не днем, как я думала. Я пропущу сегодняшнюю пробежку.

Черт!

Как она могла не знать, когда у нее последний экзамен? Наши преподаватели практически всю последнюю неделю про них талдычили. Может, Бэйлор врет? Может, она рассказала

Говнюку про наши пробежки и он больше не разрешает ей со мной бегать? Я должен это выяснить. Я не могу позволить ей уехать на каникулы вот так.

Я: Ты уже сказала как-там-ему про наши пробежки?

Бэйлор: Крису? Нет.

Она все еще играет в нашу игру. Это хорошо.

Я: А собираешься?

Бэйлор: Да.

Я: Врешь.

Бэйлор: Может быть.

Я: Ты правда не знала про экзамен?

Бэйлор: Я знала. Просто не хотела испытывать неловкость, вот и все.

Это что-то новенькое. Означает ли это, что она будет по мне скучать и не знала, как со мной попрощаться? Черт, эта девушка приводит меня в полный раздраз. Я переключаюсь на галерею и любуюсь ее прекрасным лицом. На одной из фотографий она показывает мне язык. На другой она хмурится и морщит нос. На последней она широко улыбается – той улыбкой, от которой на правой щеке у нее появляется ямочка, – и косоглазит.

Я: Спасибо за фотографии.

Бэйлор: И тебе спасибо.

Я: Удачи на последнем экзамене и хорошего полета домой!

Бэйлор: И тебе!

Я: Не забудь про наши пробежки.

Бэйлор: Ни за что! Увидимся в январе, Гэвин Мэддокс Макбрайд.

Я: До встречи, Бэйлор Кристина Митчелл.

Вот и все.

Я кладу телефон на стол. Это будет самый долгий долбаный месяц в моей жизни.

Глава 8

Я пришел слишком рано. Уверен, что пришел слишком рано, но я больше не мог ждать. Я снова смотрю на часы.

Мы ни разу не разговаривали. Мы не написали друг другу ни одной эсэмэски. Мы ничего не говорили про весенний семестр и про то, что произойдет утром в понедельник, когда начнутся занятия.

И вот я жду, как какой-нибудь проклятый щенок ждет, когда хозяин выведет его на прогулку. Я хожу кругами и гадаю, появится ли она. Прошло больше месяца. За это время многое может произойти. Вполне возможно, что у нее за это время появилось кольцо на пальце. Такая фигня часто случается в праздники.

Я рассказал о ней маме.

Раньше я не рассказывал маме о девушках. Никогда. Все время, пока я рассказывал, мама просто сидела и улыбалась. Кажется, у меня ушло не меньше часа на то, чтобы выговориться. Потом я рассказал ей про университет. Про то, о чем больше никому не рассказывал. Даже Бэйлор. Она меня обняла. Мама обняла меня и сказала, что гордится мной. У конгрессмена же, наоборот, случится удар, когда он узнает. Поэтому – по совету мамы – я ему ничего не сказал. Теперь я понимаю, как ей удавалось с ним уживаться столько лет. Она просто не обо всем ему сообщала. Умная у меня мама!

Я смотрю на часы. Две минуты девятого.

Черт. Она никогда не опаздывает.

Подожду еще три минуты и побегу один. Ну в самом деле, я еще не настолько отчаялся. Я не собираюсь тут ждать весь день.

Я снова смотрю на часы.

Ладно, подожду еще десять минут. Но ни минутой больше.

Тряпка.

В десять минут девятого я нехотя начинаю медленно бежать от Фетцер-Холла. То, что она не пришла, еще ничего не значит. Мы же это не обсуждали. Мы ничего не планировали. Может, она только вернулась и разбирает вещи. А может, ее рейс задержали.

– Скучал по мне, Макбрайд? – слышу я позади себя.

Я ненадолго прикрываю глаза. Что это за странное чувство у меня в груди? Как будто мои легкие снова наполнились воздухом после того, как какое-то время не могли дышать.

– Нет, – говорю я, не в силах сдержать улыбку до ушей.

– Врешь, – говорит она.

– Да, – отвечаю я.

И в один миг мы снова стали Бэйлор и Гэвином, мы бежим, словно и не было никакого перерыва. Словно я не провел тридцать четыре мучительных дня в мечтах о ней, глядя на несколько дурацких фотографий, которые она сделала на моем телефоне. Словно я не оставлял специально свой телефон дома почти каждый день, чтобы у меня не возникало искушения ей написать. Словно я не гуглил Мейпл-Крик в Коннектикуте на своем ноутбуке, просто чтобы почувствовать, что я хоть что-то узнал о ее мире.

Черт. Я подавляю желание посмотреть вниз и проверить, на месте ли мои яйца.

Мы искоса разглядываем друг друга. Она краснеет. Я смеюсь. Мы бежим.

С нашей предыдущей пробежки она стала бегать быстрее. Должно быть, она очень старалась. Интересно, она старалась ради меня? Я пытаюсь незаметно посмотреть на ее безымянный палец, чтобы убедиться, что на нем нет кольца, но она все время двигается, так что я не могу его разглядеть так, чтобы это не было слишком очевидно.

Ладно, приступим.

– Ты уже сказала как-там-ему про наши пробежки?

– Да, – говорит она.

Она не смеется. Не улыбается. Не толкает меня локтем.

Ба-бах!

Все разбилось вдребезги, и осколки вонзились прямо в меня. Я останавливаюсь.

– Правда? – спрашиваю я.

Она кивает:

– Да.

– Ну и что он сказал?

– Я рассказала ему, и потом мы расстались, – говорит она.

Надежда бьет меня прямо в грудь, от чего у меня ненадолго захватывает дыхание, прежде чем сердце снова начинает биться.

– Он порвал с тобой, Бэйлор? – с сомнением спрашиваю я.

– Нет. Я порвала с ним, – говорит она. – Но на самом деле это было взаимное решение. Нам лучше быть друзьями.

– Значит, вы все еще друзья? – спрашиваю я, пока не понимая, нравится ли мне, что экзотик останется в ее жизни после того, как побывал ее парнем.

– Да, конечно. Крис всегда будет моим другом, – говорит она. – Ты же ничего не имеешь против, правда?

Что я могу на это ответить? Я тусуюсь с Карен – первой стервой и грозой всех девушек – круглосуточно семь дней в неделю, поэтому я не вправе жаловаться по поводу как-там-его.

– Что? Нет, конечно, нет, – нагло вру я, надеясь, что мой нос от этого не вырастет.

Когда мы добираемся до ее общежития, она сворачивает.

– Увидимся в среду, Макбрайд, – говорит Бэйлор, взбегая по ступенькам.

– Если только не увидимся раньше, Митчелл.

Она недоуменно смотрит на меня и заходит в здание, а я просто машу ей рукой и продолжаю свою пробежку.

Весной у нас нет регулярных матчей. Мы иногда играем с командами из других университетов, но больше для тренировки, просто чтобы не потерять навык. Мы занимаемся в зале или бегаем каждый день. У нас три тренировки в неделю. Но вечера и выходные в основном свободны. Я обожаю мертвый сезон. И здорово, что у меня столько свободного времени на воплощение моего нового плана. Плана, чтобы заставить Бэйлор со мной встречаться.

Это для меня в новинку. Неизведанная территория. У меня были десятки девушек, но ни с одной из них я не хотел отношений. Я понятия не имею, как все это устроено. Что я знаю наверняка, так это то, что я не хочу напортачить. Все должно быть идеально. Потому что она идеальна.

Я нарочно захожу в аудиторию, где проходят лекции по философии для первого курса, через несколько минут после начала. Эти лекции посещает много студентов, и они проходят в одной из самых больших аудиторий в кампусе. Я знаю, что большинство студентов любят сидеть на задних рядах, так что свободные места останутся только впереди. Поэтому пока ассистенты профессора раздают программу курса, я как бы беззаботно прохожу вперед, успев заметить Бэйлор в шестом ряду. Шестой ряд – значит, она прилежная студентка. Я извиняюсь, протискиваюсь мимо нескольких студентов и сажусь в середине третьего ряда. Усевшись, я слегка

оборачиваюсь и вижу, что Бэйлор открыла рот от изумления. Я подмигиваю ей. Она краснеет. Мы улыбаемся.

– Ты знал, что у нас есть общий курс, да? – спрашивает она через час, когда мы вместе выходим из аудитории. – Не зря я сегодня утром подумала, что ты ведешь себя странно.

– Откуда я мог это узнать, Бэйлор? – я делаю невинное лицо.

– Ну а зачем тогда ты посещаешь лекции для первокурсников?

– Потому что хочу получить легкую пятерку, – отвечаю я. – У меня напряженное расписание, и передышка мне не помешает.

– Понятно, – говорит она, мое объяснение ее вполне устраивает.

Мы выходим из здания, и нас обдаёт потоком арктически холодного воздуха. Она дрожит – а я хочу обнять ее и согреть. Но это не входит в мой план. Я должен строго придерживаться плана. Бэйлор указывает рукой в направлении, противоположном тому, куда направляюсь я.

– Мне пора на следующую лекцию. У меня перерыв всего пятнадцать минут.

Разумеется, мне это известно – ведь в заднем кармане у меня лежит копия ее расписания.

– До среды! – говорит она, удаляясь от меня.

– Ну если ты так считаешь, Митчелл, – дразню ее я.

Она оглядывается на меня и закатывает глаза.

Мой план работает как нельзя лучше. Пять дней в неделю. Я буду видеть ее каждый будний день на протяжении всего семестра, и если повезет, то смогу добавить к этому еще и совместную подготовку к семинарам на выходных. Мой куратор очень постарался, чтобы вписать в мое новое расписание те два курса, которые я хотел посещать вместе с ней, – чтобы мы регулярно общались лично. Да, признаю, у университетских спортсменов есть дополнительные привилегии. Например, приоритетная запись на курсы.

Во вторник, когда я захожу в аудиторию, где проходит ее лекция по киноведению, Бэйлор смеется. Вслух. *Черт!* Ее хриплый смех бьет меня прямо в пах, сгибая пополам и вызывая неумное желание слышать его снова и снова.

Я прошмыгиваю на пустое место рядом с ней. Мы стараемся слушать профессора, но, судя по каракулям в ее тетради, кажется, она испытывает такое же сексуальное напряжение от того, что сидит в полуметре от меня, как и я.

– Напряженное расписание, говоришь? – говорит она, когда мы выходим из аудитории.

Я пожимаю плечами.

– Говорят, по этому курсу нужно писать много работ. Это напрягает, – говорю я. – И еще нам надо будет посмотреть хренову тучу фильмов. Думаю, нам надо составить график.

– График чего? – спрашивает она.

– График просмотра фильмов, – говорю я. – Вечер четверга тебе подходит?

Я бы предложил пятницу или субботу, но не хочу, чтобы это выглядело слишком прямолинейно и было слишком похоже на свидание, – мне нужно придерживаться своего плана.

– Хм, – удивленно произносит она.

Бэйлор смотрит на длинный список фильмов в программе курса.

– Ты хочешь посмотреть их вместе?

– Ну да, почему бы и нет? – спрашиваю я. – От этого просмотр, – я смотрю на ее список, – э-э-э... «Гражданина Кейна» станет чуть более выносимым, правда же? Он хоть цветной?

Она улыбается мне:

– Четверг мне подходит.

Да! Вторая часть моего плана начинает осуществляться.

– Слушай, Гэвин, – говорит она с серьезным лицом, – а ты не отстанешь по программе политологии, если возьмешь слишком много курсов по выбору?

– Это курсы не по выбору, Бэйлор, – объясняю я ей. – Я больше не специализируюсь на политологии.

Она широко открывает глаза от удивления.

– Да? Правда? С каких это пор?

– Одна знакомая мне очень философская девушка сказала что-то вроде того, что я пожалую о самом своем существовании, если не буду следовать за своей мечтой, – объясняю я. – Вот я и подумал: да и правда, какого черта! А то, что это ужасно разозлит моего отца, – так это просто еще один дополнительный бонус.

– О боже, Гэвин! Ты перевелся на кинопроизводство?

Ее глаза сияют от восторга. Одно только это выражение на ее лице стоит того, чтобы немного вернуться назад и пройти несколько дурацких курсов. Бэйлор выглядит так, словно она мной гордится. Словно я и правда могу быть кем-то, а не жить в тени амбициозной политической карьеры своего отца. У моей мамы было такое же выражение лица, когда я ей все рассказал.

– Ну, точное название степени, которую я получу, – «Бакалавр искусств в сфере кинематографии», но в целом да, кинопроизводство, – говорю я, подражая ее веселью.

Она наклоняется и обнимает меня.

– Это прекрасно, Гэвин! Ты, наверное, так рад!

Я *был* рад сменить специальность. Теперь я рад, что у нее нашлась причина для того, чтобы меня обнять. Я с радостью прижимаю Бэйлор к себе, размышляя, как долго можно ее обнимать, чтобы это не показалось неуместным и не спугнуло ее. Интересно, думает ли она о том же? Кажется, она тоже не очень спешит от меня отстраниться. Я вдыхаю фруктовый аромат ее волос, по которому тосковал с того самого дня, когда впервые его почувствовал, – а может, и задолго до этого. Все мое тело гудит от электричества, а я наслаждаюсь тем, как хорошо мы друг другу подходим. Она гораздо ниже меня. Ростом Бэйлор не выше ста шестидесяти сантиметров, но то, как ее макушка идеально лежит у меня под подбородком, и то, как мои руки обхватывают ее тело, закрывая его со всех сторон, кажется просто... правильным.

Наконец мы размыкаем объятия – слишком долгие для дружеских, но недостаточно долгие, чтобы иметь какое-то другое значение. Я смотрю на нее, и я готов поклясться, что ее глаза приняли изумрудный оттенок – такой же, как у футболки, которая сейчас на мне. Она совсем близко. Она всегда должна быть так близко. Ее глаза всегда должны отражать цвет моей одежды. Это что-то вроде моей личной метки. Я осознаю, что пристально смотрю на нее и что она краснеет.

– Ты очень высокий, – говорит она, пытаясь сбросить чрезмерное сексуальное напряжение между нами.

– Может, это просто ты низенькая, – парирую я.

– Нет. – Она качает головой: – Я идеального размера, Макбрайд.

«Это точно. Идеального для меня», – думаю я.

Я провожаю ее на следующую лекцию. Мне даже не нужно спрашивать, в какой она аудитории.

А она не спрашивает, откуда мне это известно.

– *Что ты сделал?!* – Карен почти кричит на меня, когда я объясняю, почему не явился на занятие по правительственной деятельности, на которое мы должны были ходить вместе.

– Ты слышала, – говорю я. – Я перевелся на другую специальность. Политология мне никогда не нравилась. В кои-то веки я буду делать то, что хочу, а не то, чего от меня ждут.

– Твой отец будет в бешенстве, – говорит она с неодобрением.

Она прищуривает глаза:

– Гэвин Макбрайд, это как-то связано со «Штучкой Два»?

– Нет... то есть да... Не знаю, Карен. Наверное, отчасти связано. Но не так, как ты думаешь. Она учится не на кинопроизводстве, так что я делаю это не для того, чтобы залезть к ней под юбку.

Ну то есть не только для этого.

– И перестань уже называть ее «Штучкой Два», у нее вообще-то есть имя. Ее зовут Бэйлор.

– Бэйлор? – фыркает Карен. – Что это вообще за имя такое? Ее родители – одержимые футболом психопаты?

Меня вообще-то впечатляет, что Карен провела параллель между именем Бэйлор и футболом, но учитывая, что мы выросли в часе езды от университета, в честь которого ее назвали, это понятно.

– Карен, тебе вовсе не обязательно *всегда* быть стервой, знаешь ли.

– Тьфу!

Она топает ногой.

– Я просто стараюсь за тобой приглядывать, Гэвин, – говорит она. – Тебе нужно держать марку.

– Мне это хорошо известно, Карен. Можешь не напоминать, – говорю я. – Мой отец прекрасно с этим справляется каждый раз, когда со мной разговаривает.

– На каникулах мне показалось, что все хорошо, разве нет?

– Это потому, что я научился с ним обращаться, – говорю я.

– Так и что, ты перевелся на другую специальность, а теперь рванешь и станешь встречаться со своей мисс «Штучкой»? Этого твой отец тоже не одобрит, – с готовностью добавляет она.

Я качаю головой:

– Мне глубоко плевать, что одобрит мой отец, Карен. А если ты и дальше будешь брюзжать, то тебе прекрасно известно, где находится выход из моего дома.

Ее глаза наполняются слезами. *Вот блин.* Я не хотел довести ее до слез.

Я подхожу ближе и обнимаю ее.

– Прости, Карен. Я не хотел тебя обидеть. Но тебе придется научиться уважать мои решения, хорошо?

Она крепко обнимает меня и плачет мне в плечо. Я отмечаю, насколько она выше, чем Бэйлор. Карен не так легко и удобно прижимать к себе, а ее покупная грудь, которую ее мать подарила ей на восемнадцатилетие, больно упирается в меня. Я прижимаю руки к костлявым очертаниям ребер на спине и вспоминаю, какой мягкой на ощупь была Бэйлор.

Я знаю, что со стороны мы с Карен выглядим идеальной парой. В старших классах нас с ней называли «Кен и Барби». Я люблю Карен, правда люблю. Но иногда она перегибает палку. За ее заиканность на всякой ерунде трудно разглядеть ту милую девочку, с которой мы играли в больницу в третьем классе. Но я не перестаю надеяться, что когда-нибудь та девочка снова вернется.

– Я н-не хочу тебя п-потерять, Гэвин, – заикается она.

– Ты никогда меня не потеряешь, – уверяю я ее. – Мы всегда будем друзьями. Ты важная часть моей жизни.

– Просто, как выясняется, недостаточно важная, чтобы со мной встречаться, – всхлипывает она сквозь рыдания.

Вот оно. Слон в комнате наконец-то показал свое хирургически подправленное лицо.

– Карен, – я крепко ее обнимаю. – Я тебя люблю. Ты же это знаешь, правда?

Она кивает мне в плечо.

– Может, при других обстоятельствах мы бы и стали встречаться. Но я не хочу испортить нашу дружбу. Я видел, как такое случалось, – говорю я. – И я действительно хочу попробовать и посмотреть, что у нас получится с Бэйлор.

Карен икает мне в плечо.

– Почему ты выбрал именно ее? – спрашивает она. – Что в ней такого особенного?

Я мог бы перечислить сотню вещей, которые делают Бэйлор особенной. Но на самом деле важна только одна.

– С ней я могу быть собой.

Глава 9

Спустя две недели, четыре пробежки, десять лекций и три вечера, проведенных за просмотром фильмов, я драю ванную в доме, который снимаю вместе с Дином, Тимом и Джонси.

– Мы что, ожидаем визита президента? – спрашивает Тим, проходя через гостиную у меня за спиной.

Я кидаю в него скомканным бумажным полотенцем, которым только что вытер унитаз. Он не успевает отскочить в сторону, и полотенце попадает ему в грудь.

– Ну ты совсем уже! – говорит друг, глядя на пропитанное мочой полотенце, валяющееся у его ног.

– Если бы ты научился попадать в наш проклятый унитаз, мне бы не пришлось этого делать!

Я отрываю от рулона еще несколько бумажных полотенец.

Он снимает рубашку и бросает ее мне.

– Постирай вместе со своей одеждой, придурок!

Тим оглядывается вокруг.

– Но правда, почему у нас такой порядок? И почему у нас пахнет, как в рекламе чистящего средства?

– Потому что я не хочу, чтобы Бэйлор нюхала твою грязную задницу, когда придет сегодня, – говорю я ему.

– А Карен и другим девушкам ее, значит, можно нюхать? – спрашивает он.

– Мне совершенно наплевать, что они нюхают, Тим.

Он качает головой.

– И ты еще называешь нас с Джонси подкаблучниками, – говорит он. – Ты совсем пропал, друг мой.

– А тебе-то что? – огрызаюсь я.

Тим поднимает руки вверх.

– Слушай, – сдается он, – лично я считаю, что это прекрасно.

Он подходит и дружески хлопает меня по спине.

– Тебе давно уже пора перестать тыкать своей кочерыжкой во все, что движется.

Ну, я уже давно перестал. За последние четыре месяца моя *кочерыжка* не видела ничего, кроме моей ладони. Но я не позволю этому факту повлиять на мой план. Все идет очень гладко, прямо как мне нужно. Мы продолжали вместе бегать. Мы дважды устраивали кинопросмотры в комнате отдыха в ее общежитии. Мы даже несколько раз вместе готовились к занятиям. Причем сначала она садилась за стол напротив меня, но вчера – без какой-либо особой причины, если не считать того, что она наверняка считает меня неотразимым, – Бэйлор села со мной рядом. Несколько раз она даже как бы невзначай ко мне прикоснулась.

Так что я, кажется, готов перейти к следующему пункту своего плана. Посмотрим, как пройдет сегодняшний вечер. На этой неделе я пригласил ее смотреть фильм к себе домой. Мне надоело все время отвлекаться на толпы людей, проходящих через комнату, где мы пьем на маленький экран, стоящий у нее в общежитии. На сам-то фильм мне наплевать, но когда кто-нибудь подходит и заговаривает с ней, у меня остается меньше времени на то, чтобы быть Спасателем Бэй.

Для скромной первокурсницы у Бэйлор очень много друзей. И когда я говорю «друзей», я имею в виду искренних, не витающих в облаках людей, с которыми я когда-нибудь хотел бы познакомиться – но только после того, как она станет моей девушкой. А до тех пор я не хочу ее ни с кем делить. Парней сегодня не будет дома. Я даже перепроверил социальный календарь Карен, чтобы убедиться, что у нее сегодня встреча женского клуба. Меньше всего

мне нужно, что Бэйлор столкнулась с Карен. Эти две девушки настолько разные, насколько это вообще возможно, и мне совершенно не нужно, чтобы Карен внезапно появилась и спугнула Бэй, прежде чем у меня вообще появится с ней шанс.

Я специально передвинул мебель так, чтобы Бэйлор пришлось сесть на диван рядом со мной, чтобы не выгибать шею.

Бэйлор приходит точно вовремя с диском с «Бен-Гуром» – она настояла, что на этот раз сама возьмет фильм в прокате, потому что я брал два предыдущих. Она принесла упаковку газировки и большую пачку попкорна. Мне приходится перечитать этикетку на банках с газировкой, потому что я не могу поверить, что на них не написано «Без калорий».

Она передает мне банки с пепси и внимательно смотрит на мои волосы, все еще влажные после душа.

– Тебе стоило бы подстричься, – говорит она.

– Подстричь? Вот эти волосы? – Я изображаю возмущение.

Она хихикает.

Черт. Кажется, этот вечер будет долгим.

– Да, вот эти волосы, – с улыбкой произносит она. – Разве они тебе не мешают играть в футбол?

– Ну немного. Но девчонкам нравятся мои волосы, – говорю я, толкая ее локтем, когда мы проходим в гостиную.

– Пфф!

Бэйлор игнорирует мои слова и оценивающим взглядом осматривает комнату, которая представляет собой своего рода святилище профессионального футбола. Она подходит к книжным полкам и разглядывает нашу коллекцию футбольных мячей, подписанных футболистами. На стене у нас висит пара свитеров и даже несколько наших фотографий с известными игроками. Я собираюсь пополнить эту коллекцию, когда поеду летом в Бразилию.

– Вы просто горстка фанатов, да? – со смехом спрашивает она.

– Смейся сколько хочешь, – говорю я. – Но однажды, когда мальчишки будут просить меня с ними сфотографироваться, я тебя найду и припомню эти слова.

Она качает головой:

– Мне совершенно нечего опасаться, Гэвин. Ты станешь каким-нибудь известным кинопродюсером, а не футболистом.

– Откуда ты знаешь?

– Ты вообще осознаешь, как ты преобразуешься, когда мы смотрим все эти фильмы? – спрашивает она. – Ты словно становишься другим человеком. Начинаешь комментировать освещение, постановку и расположение актеров. Довольно забавно за этим наблюдать.

Я об этом и не подозревал. То есть да, я знал, что иногда так делаю. Но меня поражает, как Бэйлор об этом рассказывает – словно она может заглянуть мне в душу и увидеть там мои самые потаенные мечты. Эта девушка по-настоящему в меня верит, даже несмотря на то, что я сам не очень в себя верю. Она считает, что когда-нибудь я смогу попасть в мир кинопроизводства.

Мы идем на кухню поставить газировку в холодильник. Я бросаю взгляд на столешницу – и у меня появляется гениальная идея.

– Ладно, давай попробуем, – говорю я.

– Что попробуем? Снять фильм? – смеется она.

– Нет, – отвечаю я, – давай меня подстрижем.

Я подхожу к столу и беру набор, который вчера оставила Марси после того, как подстригла Джонси. Вчера, когда она ушла, он рассказывал, как это было сексуально. Друг заверил меня, что больше никогда не пойдет в парикмахерскую.

Я тоже этого хочу. Я хочу испытать это с Бэйлор.

Я кладу ей в руки набор для стрижки волос. Она смотрит на меня, широко раскрыв глаза от изумления.

– Что?! Нет-нет-нет! Я не буду тебя стричь, Макбрайд!

Я достаю накидку, повязываю ее вокруг шеи и застегиваю сзади.

– Да ладно, давай. Будет весело! – говорю я. – Это же была твоя идея, Митчелл.

Уголки ее губ приподнимаются, и я снова вижу очаровательную ямочку у нее на щеке.

– Ладно, только не плачь потом, что выглядишь, как Джастин Бибер с неудачной прической.

Я сажусь на стул, а она раскладывает на столе инструменты.

– Тебе нужно срезать совсем чуть-чуть, – говорит она. – Просто чтобы волосы не лезли так сильно в глаза.

Она берет самые длинные ножницы и зажимает их в руке как нож – это чудовищная имитация сцены из фильма «Кэрри», который мы с ней смотрели на прошлой неделе.

Я смеюсь над ее дурачествами и восхищаюсь тем, что ее не волнует, что она может выглядеть глупо. Бэйлор просто хочет повеселиться.

А я просто хочу повеселиться вместе с ней.

Я вижу, что она подходит к стрижке серьезно. Она отмеряет пальцами каждый сантиметр волос, который отстригает. Внимательно изучает каждую прядь, чтобы убедиться, что все делает правильно. Все это время она, глубоко сосредоточившись, прикусывает нижнюю губу. Она медленно ходит вокруг меня, подходя ко мне под разными углами. Когда Бэйлор стрижет волосы спереди, она стоит передо мной, ее грудь почти касается моего лица. Я направляю все свои силы на то, чтобы не дотронуться до нее.

Боже, как она хорошо пахнет!

Она так увлечена процессом, что не имеет ни малейшего понятия о том, какую реакцию у меня вызывает. Если бы не накидка, она получила бы об этом *очень* ясное представление, потому что мои спортивные штаны стали похожи на тент, под которым вполне можно было бы спрятаться от дождя.

Когда она закончила и проводит руками по моим волосам, чтобы проверить, что ровно подстригла, я чуть не взрываюсь. Кажется, она пугается, когда я внезапно отодвигаю стул и быстро встаю.

– Э-э-э... мне нужно быстренько сбегать в душ и смыть с себя волосы, – говорю я, отходя от нее.

– Макбрайд! – окликает она меня.

Я оборачиваюсь, а она подходит ко мне и дотрагивается до моей шеи. Клянусь, я подумал, что она меня сейчас поцелует – а в том состоянии, в котором я нахожусь, я, скорее всего, просто наброшусь на нее и возьму ее прямо тут, на полу в кухне.

Придерживайся своего плана, Гэвин!

Она расстегивает и снимает с меня накидку. И тут она замечает мою... ситуацию. Ее глаза вылезают из орбит, а все лицо заливается краской.

Я пожимаю плечами и выхожу из кухни.

– Я вернусь через пять минут, Митчелл.

Она не отвечает. Я и не жду ответа.

После очень холодного и очень неприятного душа мы вставляем диск в проигрыватель. Не то чтобы мне не нравилось проводить с ней время, но «Бен-Гур» – это очень длинный фильм. Особенно меня бесит то, что мне придется пересмотреть его заново. Потому что когда после стрижки она сидела рядом и дотрагивалась до моей руки каждый раз, когда тянулась за попкорном, я его почти не смотрел. В полночь она встает и готовится уйти, а я не имею ни малейшего понятия, кто такой Бен-Гур.

– Не возражаешь, если я оставлю диск у себя? – спрашиваю я. – Я сам верну его в прокат и заплачу за дополнительное время. Просто хочу еще раз пересмотреть пару моментов.

– Без проблем, – говорит она, надевая куртку.

Я обуваюсь и натягиваю худи.

– Что ты делаешь? – спрашивает она.

– Ты же не думаешь, что я отпущу тебя домой одну, Бэй?

– Я приехала на мопеде, Гэвин, – говорит она. – Не переживай!

– Что? Это же еще хуже! – говорю я. – Ночные парковки – это просто рассадник грабителей и насильников.

Она закатывает глаза:

– Ты же знаешь, что там везде стоят камеры наблюдения и есть телефоны для экстренной связи, да?

– Да, но они были и возле стадиона в тот вечер.

Я серьезно смотрю на нее:

– Я провожу тебя домой, Бэйлор.

Протягиваю руку, и она без возражений отдает мне ключи. Вообще-то, даже делает это с легкой улыбкой.

Да, Бэйлор хочет, чтобы я отвез ее домой. Просто не хочет, чтобы это выглядело так, будто она этого хочет. *Я тебя понял, Митчелл.*

Когда она садится на мопед и обнимает меня руками за талию, у меня не остается никаких сомнений, что очень скоро меня ждет еще один холодный душ.

Мы паркуем мопед, и я провожаю Бэйлор до общежития. Всю дорогу я пытаюсь найти предлог, чтобы встретиться с ней завтра после занятий. Потом я вспоминаю одну фразу, которую она однажды произнесла.

– У меня завтра днем отменилась тренировка, но мне все равно нужно будет позаниматься, – говорю я. – Осенью ты как-то сказала, что хотела бы научиться играть. Если ты все еще хочешь, я мог бы тебя поучить.

Ее глаза загораются, а на щеке появляется очаровательная ямочка.

Глава 10

– Значит, их не называют голкиперами? – спрашивает она.

– Иногда называют, но чаще просто вратарями, – говорю я, объясняя положение разных игроков на поле.

– А ты центральный нападающий?

– Да. Нас еще иногда называют страйкерами, – говорю я. – Типичная расстановка – это три защитника, два центральных защитника и три нападающих. Но она все время меняется.

Мы идем по большому футбольному полю, которое сегодня почти свободно, если не считать нескольких детей с родителями, которые играют на одном конце поля. Я рад, что сегодня не по сезону тепло. Я с нетерпением ждал, когда снова увижу изящные ножки Бэйлор в коротеньких шортах. После того как мы хорошо размялись, она снимает свои спортивные штаны – и я не разочарован увиденным.

– Значит, центральный нападающий – это самая важная позиция? – спрашивает она.

– Нет, не совсем так, – качаю головой я. – То есть да, мы забиваем большую часть голов, но без классных защитников мы бы выведенного яйца не стоили. В футболе главное – это команда и слаженность игроков.

Пока я объясняю ей все это, я чеканю мяч ступней и коленом. Она заворуженно смотрит на то, как мастерски я это делаю. А я готов делать это хоть весь день, только бы она продолжала на меня смотреть.

Мы делаем несколько кругов по полю, чтобы я показал ей, как вести мяч, потом тренируемся делать пасаы и забивать голы. Она быстро все схватывает, к тому же благодаря пробежкам она явно в хорошей форме, поэтому без труда за мной успевает.

– Из тебя получился бы отличный центральный защитник, – говорю я. – Им обычно приходится больше всех бегать во время матча.

Она с гордостью улыбается.

Случайный мяч прилетает и попадает Бэйлор в спину – я не успел ее предупредить. Я подбегаю к ней.

– Черт! Ты в порядке?

Она смеется и возвращает мяч детям позади нас.

– Я в порядке, Гэвин.

Бэйлор передает мяч семи- или восьмилетнему мальчугану. Она бьет по мячу правильно – внутренней стороной ступни, как я ее только что научил.

Мальчик тут же отбивает мяч ей обратно, и они переходят на легкий бег, пасуя мяч друг другу, пока один из них не промахивается. Один из мальчиков подходит к нам и просит меня научить их подкидывать мяч и ловить его коленями – они видели, как я это делал. Очевидно, эти ребята новички в футболе.

Весь следующий час мы с Бэйлор учим их играть. Хотя она сама тоже еще только учится, по тому, как она им помогает, этого не скажешь. Я восхищенно смотрю, как эти мальчишки ловят каждое ее слово. Но опять же, я их понимаю. Я и сам попал под ее чары.

Наконец родители мальчиков благодарят нас за помощь, дети уходят с поля, и Бэйлор говорит:

– Ну давай, Макбрайд!

Мы начинаем играть один на один, она пытается увести у меня мяч. Разумеется, мне приходится ей поддаваться, но не так сильно, как я предполагал. Я вырываюсь и веду мяч вдоль поля. Она бежит рядом и пытается выбить у меня мяч, от чего я спотыкаюсь и мы вместе падаем на землю.

Как только я убедился, что она в порядке и просто лежит рядом со мной, чтобы отдышаться, я говорю:

– За это ты точно получаешь желтую карточку, Митчелл.

– Что?! – она громко протестует. – Это все ты виноват! У тебя обе ноги левые!

– Это у *меня-то* обе ноги левые? Вот уж не думаю, – возражаю я.

Она пихает меня локтем, и я делаю вид, что мне больно.

– Полегче, а не то получишь *красную* карточку, – дразню я ее.

Она запрыгивает на меня, шутливо прижимает меня к земле и произносит:

– Ничего я не получу, Макбрайд.

Через две с половиной секунды мы поменялись ролями. Я хватаю ее и одним движением переворачиваю так, что теперь она оказывается подо мной. Мы лежим, и смотрим друг на друга, и тяжело дышим, пытаюсь восстановить дыхание. Я смотрю в ее невероятные глаза, которые могут быть миллионов разных цветов, – сейчас в них отражается голубое небо. Ее волосы слегка спутались от пота, а к футболке прилипли травинки. Я никогда не видел ничего прекраснее.

К черту план!

Я медленно наклоняюсь к ней, переношу вес на локти и кладу ладони ей на лицо. Она краснеет и прикусывает губу. По мере того как я приближаюсь к ней, ее взгляд перемещается от моих глаз ко рту. Она облизывает языком губы в предвкушении того, что я сейчас сделаю. Потому что сейчас я ее поцелую. Ничто не сможет помешать мне поцеловать эту девушку.

Когда наши губы встречаются, у меня словно наступает Рождество и я открываю самый большой и самый лучший подарок под елкой. Ее губы такие мягкие, что я несколько секунд просто прижимаюсь к ним, чтобы привыкнуть. Я хочу навсегда запечатлеть этот момент в своей памяти. Мои губы начинают двигаться по ее губам, целую сначала уголки рта, затем верхнюю губу и, наконец, я перехожу к нижней и нежно посасываю ее.

Из глубины ее горла вырывается легкий стон, и я мгновенно возбуждаюсь. Она приоткрывает губы, и наши языки сливаются в совместном танце – настолько слаженном, что я задумываюсь: может, мы это уже делали, а я просто забыл? Это кажется естественным, привычным... знакомым.

Бэйлор проводит руками по моей спине и плечам, а затем по волосам, и я осознаю – прямо в эту секунду, – что никогда не захочу, чтобы другая девушка запускала пальцы мне в волосы. Только она. Только Бэйлор Кристина Митчелл.

Я неохотно отрываюсь от ее губ, когда голос разума говорит мне, что если мы не прекратим, нас могут арестовать. Мы все еще тяжело дышим – сейчас даже еще тяжелее, чем когда играли в футбол. Я улыбаюсь ей. Она улыбается мне в ответ. Я наконец нахожу слова.

– Ты пойдешь со мной на свидание, Бэйлор Митчелл? – спрашиваю я. – Сегодня вечером.

Я знаю ответ прежде, чем она его произносит, – ее выдает ямочка, которая занимает свое место у нее на щеке.

– Да, Гэвин Макбрайд, я пойду с тобой на свидание.

Я наклоняюсь и произношу прямо ей в губы:

– Чур, платить буду я.

И снова ее целую, прежде чем она сможет мне возразить. Я чувствую на губах ее улыбку.

Я никогда не нервничаю. Гэвин Макбрайд не нервничает из-за девушек.

Так почему же сейчас, когда я собираюсь постучать в ее дверь, у меня дрожат руки? *Черт. Соберись*, приказываю я себе. Я делаю несколько глубоких вдохов и закатываю глаза – девушка, вошедшая в соседнюю комнату, застала меня за этим занятием.

Дверь открывается.

– О, Гэвин, привет! – говорит Тори, соседка Бэйлор по комнате. – Заходи. Бэйлор пошла за чем-то к соседке.

Мне становится немного дурно. Надеюсь, не к той соседке, которая только что видела меня в коридоре.

– Спасибо, Тори.

Я вхожу в комнату и сажусь на диван рядом с кроватью Бэйлор. Я был здесь только один раз. Пару недель назад, перед тем как посмотреть фильм, мы зашли сюда за газировкой, и Бэйлор познакомила меня со своей соседкой. В ожидании я вытираю потные руки о джинсы и оглядываюсь по сторонам. Здесь совершенно точно живут девушки, но комната не такая тошнотно-розовая, как у некоторых моих знакомых из женского клуба.

Здесь много журналов. Но это не «Вог», «Космо» и тому подобная фигня. Здесь в основном публицистика и даже один журнал «Тайм». Я смотрю на Тори:

– Ты тоже учишься на журналистике, да?

Она кивает:

– Да, как и большинство девушек на этом этаже. Поэтому мы и решили жить здесь.

– Угу, – бормочу я, вспоминая, как все футболисты-первокурсники жили на одном этаже.

Я ловлю на себе ее пристальный взгляд и смотрю на часы в надежде, что Бэйлор вскоре прервет эту неловкую ситуацию.

Как бы не так!

– И какие у тебя намерения насчет Бэйлор? – без церемоний спрашивает Тори.

– Намерения? – спрашиваю я.

Ее оценивающий взгляд пригвозждает меня к дивану.

– Тебе наверняка известно, что слухи бегут впереди тебя.

Я качаю головой.

– Это все в прошлом, Тори, – объясняю я. – Да, я почудил на первом курсе, но я больше не такой.

– Да неужели, – скептически произносит она, уперев руки в бедра для пущего эффекта.

Я поднимаю вверх два пальца:

– Слово скаута!

– Значит, ты просто взял и перестал быть донжуаном? – уточняет она. – Вот так запросто?

– Нет, не так запросто, – говорю я.

И рискуя выложить все свои козыри слишком рано, добавляю:

– Когда встречаешь девушку, которая может стать для тебя не просто очередным завоеванием, а чем-то большим, все меняется.

Она смотрит на меня сверху вниз, оценивая мою искренность, и тут дверь открывается и входит Бэйлор. Тори поджимает губы, потом поворачивается к Бэйлор.

– Ладно, – говорит она. – Этот сойдет.

Я смеюсь:

– Твоя соседка меня проверяла?

– А? – спрашивает Бэйлор, явно пребывая в полном недоумении.

– Хорошо вам провести время, – говорит Тори, подавая Бэйлор ее куртку и выпроваживая нас за дверь.

Бэйлор идет передо мной по длинному коридору общежития. Сегодня она распустила свои длинные волосы. Интересно, она знает, что мне так больше нравится? На ней джинсы,

которые выигрышно подчеркивают ее миниатюрную фигуру, а под курткой на ней темно-коричневый свитер – я уверен, что ее глаза сегодня будут шоколадного оттенка.

Она не в первый раз едет в моем грузовичке. И я даже не в первый раз открываю ей дверь, когда она залезает внутрь. Но в этот раз все по-другому, и мы оба это знаем. Залезая на пассажирское сиденье, Бэйлор смотрит на меня. Я вижу, как ее щеки заливают очаровательный румянец. Наконец она произносит:

– Спасибо.

– За то, что помог тебе сесть в машину? – спрашиваю я. – Не стоит благодарности.

– За сегодняшний вечер, – говорит она. – Если я вдруг забуду поблагодарить тебя позже, я просто хотела сказать, как хорошо я провела время.

Я улыбаюсь ей и захлопываю дверь.

Черт, думаю я, обходя свой большой грузовик. Мне придется постараться, чтобы не обмануть ее ожиданий.

Глава 11

Когда мы приезжаем в мою любимую бургерную, у Бэйлор загораются глаза, и я понимаю, что начало было положено успешно. Мы занимаем диванчик в дальнем углу и обмениваемся беглыми взглядами поверх меню. Я размышляю, не сесть ли рядом с ней, но тогда я не смогу весь вечер любоваться ее прекрасным лицом.

Когда официант подходит принять наш заказ, Бэйлор без тени смущения заказывает чизбургер и картошку фри.

– Мне то же самое. Но двойную порцию. И принесите пару шоколадных молочных коктейлей, пожалуйста, – добавляю я, зная слабость Бэйлор к сладким напиткам.

– М-м-м, вкусняшки, – говорит она.

Бэйлор оглядывается по сторонам. Столы накрыты скатертями в красную и черную клетку. Свет приглушен, а из динамиков на потолке льется тихий софт-рок. Это место полно противоречий. В такого рода заведениях ожидаешь увидеть в меню стейки и дорогое вино. Эта бургерная как забытая жемчужина, и поскольку она не по карману большинству студентов, здесь не шумно и нет пьяных малолеток.

– Мне здесь очень нравится, – говорит она, снова глядя на меня. – Напоминает наш ресторанчик.

– Да, точно, – говорю я, вспоминая, что она рассказывала мне об их семейном ресторанчике в Мейпл-Крик.

По вечерам и в выходные она и ее младшие сестры Скайлар и Пайпер работали в ресторане «У Митчелла».

– Напомни, почему ты предпочла журналистику семейному бизнесу?

Мы вкратце обсуждали это раньше, но она так и не рассказала мне, почему не захотела пойти по стопам своих родителей.

– Когда я росла и особенно когда была маленькой, моим родителям было очень тяжело держать свой ресторан. Но поскольку это была их мечта, они делали для этого все возможное, например, брали кредиты под залог дома или использовали все деньги, отложенные на наше обучение.

Ее лицо озаряется, когда она продолжает:

– И вот однажды в ресторан заходит женщина и заказывает блюдо дня. Мы понятия не имели, кто она такая. Мы думали, что она, как и большинство наших посетителей, просто оказалась здесь по пути в Нью-Йорк. Но через две недели нам по почте пришел конверт с газетной вырезкой из «Нью-Йорк таймс», в которой рассказывалось о домашнем ресторанчике в Мейпл-Крик. О *нашем* ресторанчике! В статье превозносились наша еда, обслуживание, атмосфера. После этого бизнес вырос раз в десять и моим родителям больше не приходилось беспокоиться о том, что мы потеряем дом, если не сможем выплатить залог.

Бэйлор задумчиво вертит в руках салфетку.

– Именно тогда я и осознала силу журналистики. Я пообещала себе, что стану человеком, который будет приносить людям радость при помощи слов.

Я снова поражен девушкой, которая сидит передо мной. Но прежде чем я успеваю как дурак снова сказать ей, какая она удивительная, официантка приносит нам еду. Я смотрю, как Бэйлор откусывает большой кусок от чизбургера, который едва помещается в ее маленьких ручках. Сок струится из уголка ее рта, и мне приходится сдерживаться, чтобы не вытереть ей подбородок и потом не слизнуть острый вкус с ее пальцев.

– Божемойкаквкусно, – бормочет она с полным ртом мяса, закатывая глаза от удовольствия.

В полнейшем восхищении, забыв про собственную еду, я смотрю, как Бэйлор наслаждается первым кусочком бургера, который – я уверен – станет и ее любимым бургером тоже.

Как здорово, что она заказала чизбургер! Карен и ее подруги заказали бы салат с какой-нибудь дурацкой уксусной заправкой. Почему они считают, что быть такими худыми сексуально? Они думают, что парням нравится чувствовать их скелет, когда мы к ним прикасаемся? Я вспоминаю те несколько раз, когда я обнимал Бэйлор и ощущал ее мягкие изгибы. И вдруг под складками скатерти в красно-черную клетку у меня появляется эрекция.

Я беру свой бургер и быстро его съедаю. Я думаю о новой расстановке на поле, которую мы отработывали на прошлой неделе. Что угодно, чтобы успокоить свои возбужденные... хм... нервы.

Я и не заметил, как моя тарелка опустела, поэтому тянусь к картошке фри на тарелке Бэйлор. Она шутливо шлепает меня по руке.

– Что?! – говорю я. – Разве девушки не делятся едой на свиданиях?

Я оцениваю количество еды на ее тарелке: она ни за что не сможет доесть гигантский бургер, от которого осталось еще больше половины, и гору картошки, лежащей рядом.

– Это лучше у тебя спросить, – говорит она, разрывая кусочек картошки пополам и отправляя половинку в рот. – Я не такая, как все девушки, Макбрайд.

– Да уж, это точно, Митчелл.

Она жестом указывает на свою тарелку.

– Я не против поделиться, – говорит она. – Но хочу получить что-нибудь взамен.

Я смотрю на свою пустую тарелку, потом снова вопросительно смотрю на нее.

– Речь не о еде, – говорит она. – Мне нужна информация.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

– Я задам тебе вопрос. Когда ты на него ответишь, получишь немножко моей картошки, – говорит она.

Я смеюсь:

– Поиграем в «Двадцать вопросов»?

– Не совсем, – качает головой она, – просто хочу кое-что выяснить.

Я смотрю на кучу картошки у нее на тарелке.

– Задавай свои вопросы. Я все еще голоден.

Она прикусывает губу, ее глаза бегают из стороны в сторону – очевидно, она обдумывает, что хочет узнать обо мне в первую очередь.

– Ладно. Когда ты начал играть в футбол?

Никто раньше не задавал мне этот вопрос. Даже мой тренер. Я помню тот день с почти болезненной ясностью.

– Когда мне было пять лет, мой отец уехал в другой город на какую-то конференцию для судей, – начинаю рассказывать я. – Когда мой отец уезжал, у нас дома как будто наступало Рождество. Мы с мамой делали то, чего отец обычно не разрешал. Он всегда считал, что дети должны заслужить то, что получают. А его, скажем так, не впечатляли мои бунтарские замашки.

Я закатываю глаза, вспоминая, как мой отец пытался контролировать неугомонного пятилетку.

– Мама привела меня в магазин спортивных товаров и сказала, что я могу выбрать все, что пожелаю. Помню, как ходил по магазину и смотрел на разные бейсбольные биты и футбольные шлемы. И тут я увидел одного мальчика с отцом. Они чеканили большой черно-белый мяч, перекидывая его друг другу коленями, улыбались и смеялись. Они выглядели такими счастливыми. Я хотел вот это. Я хотел то, что было у них. И мой пятилетний мозг решил, что ключом к этому был футбольный мяч.

Я смотрю на Бэйлор и ловлю на себе ее грустный взгляд. Она уже знает, как хреново мой отец ко мне относится, так что вряд ли это ее сильно удивило.

– Никогда не забуду, какое грустное лицо было в тот день у мамы. Я тогда не догадался, что она все поняла. Она поняла, почему я выбрал мяч, и еще она знала, что у меня никогда не будет того, что было у того мальчика в магазине. На следующий день мама отвела меня на мою первую игру в футбол.

Я смеюсь.

– По иронии судьбы, она была в Бэйлорском университете, – с улыбкой говорю я. – Вот тогда-то я и начал играть. После того дня надо было очень постараться, чтобы застать меня без футбольного мяча.

Лицо Бэйлор выражает сочувствие, она придвигает всю тарелку с картошкой фри поближе ко мне. Я беру несколько штук и отодвигаю тарелку обратно.

– Не надо меня жалеть, Бэй. Мой отец всегда был для меня хорошим примером.

– Это как? – недоуменно спрашивает она.

– Он был хорошим примером того, каким отцом я не хочу быть, – поясняю я.

Бэйлор понимающе кивает.

– Значит, ты хочешь детей? – спрашивает она, глядя в свою тарелку.

– Да, конечно, – говорю я. – Ну не *прямо сейчас*, но когда-нибудь да.

Я смеюсь. Она хихикает. Мы смотрим друг на друга.

– Следующий вопрос, – говорю я.

Она склоняет голову набок и поджимает губы. Вопрос точно будет интересным.

– Когда ты в последний раз был на свидании?

– Ты уверена, что хочешь поднимать эту тему, Митчелл?

– Да, – кивает она.

Я делаю выдох.

– Ну, строго говоря, никогда.

– Строго говоря? – переспрашивает она.

– Бэйлор, мне нужно тебе кое-что объяснить. До тебя наверняка дошли слухи про меня. Многое из того, что ты слышала, – правда.

Я стыдливо опускаю глаза, обещая себе быть с ней максимально честным.

– Я никогда не был на свидании с девушкой. Да, у меня было много девушек.

Я морщусь от собственных слов.

– Но я никогда не встречал девушку, которую захотел бы пригласить на настоящее свидание. Я имею в виду, пока не встретил тебя.

Бэйлор задумчиво смотрит на меня. Я осознаю, что, вероятно, не вполне ответил на ее вопрос, поэтому добавляю:

– Если ты хочешь знать, когда я в последний раз *был* с девушкой, то в прошлом августе. В выходные перед тем, как наткнулся на тебя у Мерфи-Холла.

Я слышу, как она резко вдыхает. Потом замечаю, что ее щеки заливает прекрасный румянец, и она снова придвигает ко мне тарелку с картошкой фри.

– Я должна сказать, что ты гораздо более... э-э-э... опытный, чем я, Гэвин.

– Может показаться, что это так, Бэйлор. Но во всем этом, – я машу рукой, обозначая ресторан, – я новичок. Я понятия не имею, что делаю. В данном случае боюсь, что неопытный тут как раз я.

Она улыбается мне:

– Ладно. Думаю, мы можем учиться вместе.

Мой член дергается у меня в штанах. Интересно, это означает, что она хочет, чтобы я ее тоже чему-нибудь научил? Очень надеюсь, что да.

Я беру несколько кусочков картошки и двигаю тарелку обратно, гадая, какой глубоко философский вопрос будет следующим.

– Какой у тебя любимый цвет? – спрашивает она.

Я смеюсь. Потом смотрю ей в глаза.

– Не знаю, как он называется... такой коричневый с оттенками голубого и зеленого.

Я протягиваю руку и беру еще картошки.

Перед следующим вопросом на ее щеке появляется ямочка.

– А любимый фильм? – спрашивает она.

– Точно не «Бен-Гур», – отвечаю я не задумываясь, от чего она смеется.

– Он показался тебе слишком длинным? – спрашивает она.

– Вообще-то я его еще не смотрел, так что не буду критиковать.

– Это как? – спрашивает она.

– Признаюсь, что на самом деле я не смотрел вчера фильм.

Она улыбается.

– Я тоже, – сознается она.

Я смеюсь.

– Хочешь прийти завтра и попробовать еще раз? – спрашиваю я, радуясь, что у меня появился повод еще раз встретиться с ней на выходных.

– Давай, – соглашается она. – Но на этот раз верни всю мебель на место, чтобы нас ничего не отвлекало.

Я широко раскрываю глаза, а она продолжает:

– Я видела на ковре следы от дивана, Макбрайд. В следующий раз положи во вмятины кусочки льда, чтобы они разгладились.

Она смеется надо мной. Я попался. Боже, как я люблю эту девушку!

Нравится.

Мне *нравится* эта девушка!

Черт.

Я оплачиваю счет, и мы выходим из ресторана. Я указываю ей на озеро позади здания и предлагаю:

– Если тебе не слишком холодно, может, прогуляемся? Тут очень классная тропа вокруг озера.

– Звучит заманчиво, – говорит она.

Мы идем по тропе, и я беру ее за руку. Боковым зрением я вижу ее улыбку. Интересно, она чувствует те же искры, что и я?

– Ой, – произносит она. – Забыла тебе рассказать. Мне сегодня позвонили из студенческой газеты. Они взяли меня практиканткой в свой главный офис.

– Это чудесно, Бэйлор!

– Ну, не так чудесно, как если бы я была репортером или редактором. Я буду просто рядовой секретаршей, но надо же с чего-то начинать, – говорит она.

– Уверен, что тебя очень скоро повысят до репортера! – говорю я и ободряюще сжимаю ее руку.

Когда мы обошли уже пол-озера, она начинает дрожать, и я чувствую себя полным придурком из-за того, что пригласил ее пройти в такой холод. Я останавливаюсь и обнимаю ее, растираю ей спину, пытаюсь согреть. Она улыбается мне, и в мягком свете фонарей, освещающих тропинку, я вижу, что нос у нее покраснел от холода. Я наклоняюсь и трусь носом о ее нос. А потом я делаю то, о чем мечтал последние шесть часов. Я снова ее целую.

Мне не показалось раньше – Бэйлор и правда хорошо целуется, просто фантастически хорошо. Я пытаюсь прогнать мысль о том, что они с Говнюком, должно быть, много целовались весь прошлый семестр. Интересно, были ли их поцелуи похожи на этот? Вряд ли. Это просто

невозможно. Я целовался с сотней девушек, и ни один из тех поцелуев даже близко – даже отдаленно – не сравнится с этим поцелуем. Я стараюсь не думать о том, чем еще она могла с ним заниматься.

Когда это я стал таким лицемером? У меня нет никакого права злиться на то, что у нее были другие парни. Она ведь знает о моем далеко не безупречном прошлом и не высказывает никаких претензий.

Я забываю обо всех, кто был у нее до меня, и сосредотачиваюсь на нашем поцелуе. Наши губы соединяются, а температура наших тел повышается на несколько градусов. Наши языки начинают исследовать друг друга, она постанывает, а я прижимаю ее еще ближе, соединяю наши тела воедино, чтобы она почувствовала, какой эффект она на меня оказывает. Когда мы наконец размыкаем губы, наше дыхание похоже на серию быстрых затяжек, мы никак не можем отдышаться. Я прижимаюсь к ней лбом, я хочу прикасаться к ее коже как можно больше.

– Готова идти обратно? – спрашиваю я.

Она кивает, и я блаженствую, осознавая, что от моего поцелуя она потеряла дар речи.

В машине мы разговариваем и держимся за руки, а я везу ее в общежитие длинным путем. Я вижу, что она улыбается, потому что тоже об этом знает. Когда мы наконец приезжаем на парковку, я нарочно встаю на место, не освещенное фонарями, надеясь на продолжение поцелуев, прежде чем она уйдет домой. На парковке немногочисленно – время для студентов еще раннее, но я не хотел сегодня приглашать ее к себе домой. Я хочу действовать не спеша. Тише едешь – дальше будешь. А в этой гонке я намерен продвинуться как можно дальше.

Я выключаю двигатель, и какое-то время мы сидим в тишине. Затем оба неловко смеемся, потому что оба знаем, что никто из нас не хочет сейчас расставаться. Я снова беру Бэйлор за руку и притягиваю к себе на сиденье. Она отстегивает ремень безопасности и придвигается ближе. Я тоже быстро отстегиваю свой ремень и поворачиваюсь к ней лицом. Потом отпускаю ее руку и провожу большим пальцем по ее подбородку.

– Тебе тепло?

– Почти, – отвечает она.

Я убираю руку, чтобы завести двигатель и включить печку. Но прежде чем я успеваю это сделать, она берет мою руку и возвращает ее себе на лицо.

– Есть еще один способ меня согреть.

Мой член опять оживает. Интересно, я когда-нибудь смогу находиться рядом с ней без эрекции? Я наклоняюсь и целую ее. У нее вкус картошки фри, шоколада и мяты, перемешанных вместе. Раньше я был бы не в восторге от такой комбинации, но на ней это чертовски вкусно. Она двигается, стараясь еще плотнее соединить наши тела на переднем сиденье моего грузовичка. Я поворачиваюсь, чтобы она могла устроиться поудобнее, но дергаюсь слишком быстро, и мы ударяемся зубами.

– Извини, – говорю я. – Я знаю, что здесь не очень удобно.

Бэйлор игриво смотрит на меня. Затем оглядывается на окна, которые теперь уже достаточно запотели. Я задумываюсь о том, что она собирается сделать, и когда вдруг Бэйлор зализывает меня, я понимаю, что она проверяла, не видно ли нас снаружи.

Когда она устраивается на мне и смотрит на меня сверху вниз сквозь полуприкрытые веки, мне приходится чуть-чуть сдвинуться под ней, чтобы в штанах стало не так тесно. Если раньше я считал ее прекрасной, то я просто не знал, насколько невероятно она будет выглядеть, сидя на мне верхом. Она робко смотрит на меня, словно не знает, не стану ли я возражать. Не говоря ни слова, я протягиваю руку и притягиваю ее голову к себе, затягивая ее в поцелуй.

Мы целуемся, пока у нас хватает дыхания. Она слегка отстраняется, чтобы набрать в легкие воздуха. Я пользуюсь этим, чтобы поисследовать ее шею, прижимаясь губами к нежной коже между ее шеей и плечом, где я чувствую учащенное биение ее пульса. Я облизываю, и посасываю, и наслаждаюсь ее сладким вкусом. Она стонет и вжимается в меня, когда я провожу

языком прямо под мочкой ее уха, так что я задерживаюсь там подольше. Я задерживаюсь на этом маленьком участке кожи, а ее дыхание становится еще быстрее. Надо запомнить эту точку на будущее.

От того, как Бэйлор изгибается на мне, мой член стал твердым, как скала. Она ненадолго отстраняется, чтобы снять куртку. Да, тут и правда становится тепло. Обычно, когда девушка вот так сидит на мне верхом, я сдираю с нее одежду. Но это было раньше. А это сейчас. Я не хочу спешить и уж точно не хочу, чтобы наш первый раз был на первом же свидании. В моем грузовике. Это пошло. Бэйлор Митчелл заслуживает большего.

Но я не могу удержаться, чтобы не положить ладони на ее грудь, когда вижу, как затвердели ее соски под тоненьким свитером. Я делаю это осторожно, глядя ей в глаза, словно прося разрешения. Она улыбается мне и закрывает глаза, так что я накрываю ее грудь ладонями, радуясь, что даже через футболку и лифчик они идеально помещаются у меня в руках. Я провожу пальцами по ее соскам и нежно сжимаю их через свитер. От этого она откидывает голову назад и издает стон.

Черт. А ведь я думал, что мой член не может стать еще тверже. И она не облегчает мне задачу. Я ласкаю грудь Бэйлор и наблюдаю за ее лицом – это возбуждает меня сильнее, чем что бы то ни было. Это лучше, чем порно.

Она открывает глаза, видит, что я смотрю на нее, и тут же заливается краской. Ей нечего стыдиться. Одной рукой я прижимаю ее голову к своей, пока мы не соприкасаемся лбами, а вторую руку оставляю у нее на груди.

– Боже, Бэй, какая ты сексуальная.

Она прижимается губами к моим губам и стонет.

– Гэвин, – шепчет Бэйлор самым сексуальным голосом, который я когда-либо слышал.

Наши поцелуи становятся все более страстными, все более длинными и все более настойчивыми, а она продолжает свой эротический танец верхом на мне. Бэйлор чуть сдвигается влево и стонет, когда находит точку, в которой она получает еще больше удовольствия. Я продолжаю ласкать ее грудь, а она гладит мои плечи, шею и волосы. Когда я сжимаю ее соски, Бэйлор тянет меня за волосы. Она откидывает голову назад, и я ласкаю то место под мочкой ее уха.

Она выдыхает:

– О боже!..

Ее тело начинает дрожать, и к тому моменту, когда я осознаю, что происходит, она движется на мне по спирали, выкрикивая мое имя.

Ни хрена себе!

Если бы я не подрочил сегодня днем, я бы кончил вместе с ней. То, что я наблюдаю, совершенно невероятно, и моей новой целью в жизни становится делать это как можно чаще.

Когда Бэйлор перестает дрожать и осознает, что произошло, она открывает рот от изумления, а ее покрасневшее лицо выглядит ошеломленным.

– Это всегда так происходит? – смущенно спрашивает она, глядя на наши полностью одетые тела.

Внезапно я осознаю весь масштаб ее неопытности.

– Бывает и так, да, – говорю я, проводя большим пальцем по ее губам, которые чуть припухли от поцелуев.

Она кладет голову мне на плечо.

– Прости, – говорит она. – Я же говорила, что совсем неопытная.

Я отодвигаю ее от себя и смотрю ей в глаза.

– Бэйлор, – говорю я. – Во-первых, никогда – *никогда-никогда!* – не извиняйся за то, что сейчас произошло. Это было потрясающе. *Ты* потрясающая.

Я убираю несколько прядей волос ей за уши и беру в руки ее все еще покрасневшееся лицо.

– Милая, ты девственница? – спрашиваю я.

Она морщит нос и робко кивает.

– Хорошо, – говорю я. – Мы будем продвигаться медленно. Мы будем продвигаться так медленно, как ты захочешь.

Я беру ее за подбородок и поднимаю ее лицо так, чтобы она смотрела на меня.

– Ты сама контролируешь ситуацию, поняла?

Она снова кивает, и я прижимаю ее лоб к своему.

– Ты такая красивая, Бэйлор, – говорю я.

Она снова кладет голову мне на плечо и просит:

– Можешь меня опять так назвать?

Я улыбаюсь.

– Для тебя все, что угодно, милая, – говорю я.

И я говорю это совершенно серьезно. Ради этой девушки я готов на все.

Глава 12

Мы пробовали смотреть четырехчасовой фильм, сидя в противоположных концах комнаты. Потом мы пробовали сидеть на противоположных концах дивана. Потом мы пробовали сидеть рядом, но не прикасаться друг к другу.

В общем, лучшую свою рецензию для курса по киноведению я напишу не про этот фильм.

– Кажется, я столько не сидел после того, как прилетел из дома в университет, – говорю я Бэйлор. – Может, пойдем прогуляемся?

Я надеваю худи, помогаю ей надеть куртку, и мы выходим под предзакатное солнце. Я не могу не смотреть на нее. И каждый раз, глядя на Бэйлор, я вспоминаю, как она двигалась на мне вчера вечером, когда испытала оргазм. Если бы я мог закупорить этот момент в бутылку и продавать, я бы стал миллионером. Но нет, этот момент принадлежит мне. Только мне. Я эгоистично задумываюсь, испытывала ли она оргазм, когда к ней прикасались другие мужчины.

Я размышляю о том, что она девственница. У меня раньше были девственницы. То есть вероятность этого довольно велика. Но я даже не удосуживался спрашивать, а ни одна из них мне об этом не сказала. А может, и сказала, а я пропустил мимо ушей. При мысли о том, что я буду у Бэйлор первым мужчиной, что проведу ее по неизведанной территории, что заявлю на нее свои права... у меня возникает легкая эрекция. Но Бэйлор значит для меня гораздо больше. Я не отношусь к ней, как к очередному завоеванию. Она *ничуть* не похожа на остальных. Она не попадает даже в одну категорию с теми девушками, которые были у меня раньше. Если Бэйлор отдаст мне свою девственность, я отнесусь к ней бережно и с уважением, которого она по праву заслуживает.

Я тихонько посмеиваюсь про себя: кто же это поселился в моей голове? Потому что это уж точно не я!

Мы проходим мимо группки парней, и от меня не ускользают оценивающие взгляды, которые они бросают на Бэйлор. От меня также не ускользает то, как она улыбается им в ответ. Ладно, это просто дружеская, а вовсе не призывная улыбка. Если бы один из них хотя бы попробовал к ней приблизиться, я бы надрал ему задницу, но все же... она обратила на них внимание – и уже от этого у меня сжимается сердце.

– Эй, больно! – вскрикивает она, пытаясь выдернуть руку из моего захвата.

Я неосознанно сжал ее, когда представлял ее с другими.

– Извини.

Я подношу ее руку к губам и целую. Затем останавливаюсь и беру ее вторую руку.

– Я не уверен, что точно выразился вчера, Бэйлор.

Она наклоняет голову и вопросительно хмурит брови.

– Когда я пригласил тебя вчера на свидание, я просил тебя стать моей девушкой, – говорю я. – Я хочу быть единственным, с кем ты встречаешься, милая.

Ее глаза смягчаются от нежного обращения, а от улыбки на ее щеке появляется ямочка, которую я так хотел увидеть.

– Я именно так тебя и поняла, Гэвин, – говорит она. – Я бы ни за что не стала встречаться с двумя парнями одновременно.

Вдруг ее улыбка гаснет, а глаза опускаются вниз, и я совершенно точно знаю, о чем она сейчас думает.

Я отпускаю одну руку, беру ее за подбородок и приподнимаю ей голову.

– Ко мне это тоже относится, Бэйлор, – заверяю я ее. – Я не собираюсь больше ни с кем встречаться. Обещаю.

Она ухмыляется, закатывает рукав моего худи и смотрит на часы.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Смотрю на дату, – игриво произносит она. – Так, двадцать четвертое января. Гэвин Макбрайд снят с продажи – это знаменательное событие для всего человечества.

Она самодовольно улыбается.

Я открываю рот, пораженный ее дерзостью. Бэйлор отстраняется и, дразня меня, бежит вперед, но я быстро ее догоняю, хватаю за руку и притягиваю к себе для поцелуя. Я наслаждаюсь вкусом ее холодных губ, которые согреваются от наших поцелуев. Я стараюсь контролировать себя, но в присутствии Бэйлор Митчелл это дается мне нелегко. *Моя первая девушка.* Я со смехом отрываюсь от нее.

– Что такого смешного? – спрашивает она.

– Да так, ничего, – говорю я, беру ее за руку и тяну за собой. – Я просто подумал, что мне двадцать лет, а ты моя первая девушка.

– Ого! Ну ты просто жалок, – дразнит она меня. – Чтобы ты знал, мы будем продвигаться так медленно, как тебе будет нужно. Тебе не нужно делать ничего, что ты не хочешь.

Она останавливается и серьезно смотрит мне в глаза.

– Ты полностью контролируешь ситуацию.

Блин! Мой член оживает и начинает набухать у меня в штанах. Я испытываю внезапное желание наброситься на нее прямо тут, на замерзшей траве.

– Милая, – говорю я, прижимая ее к себе, чтобы она почувствовала, какой эффект на меня производят ее слова, – не говори так, когда мы на людях.

Она смотрит на меня снизу вверх, а ее прелестное лицо заливают густой румянец.

– Ой, – говорит она, ошеломленная властью, которую имеет надо мной.

– Ага, – смеюсь я и наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в замерзший нос.

В животе у меня урчит, напоминая, что приближается время ужина.

– У тебя уже есть планы на ужин?

– Да, – говорит она немного поспешно.

Я хмурюсь.

– Но ты же сказала, что я контролирую ситуацию, а я считаю, что ты должна поужинать со мной.

Она хихикает:

– Я и правда так сказала, да?

Я киваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.